

Военные
Приключения

ПРИКАЗ: ДОЙТИ ДО АМАЗОНКИ

ИГОРЬ БЕРЕГ

Военные приключения

Игорь Берг

Приказ: дойти до Амазонки

«ВЕЧЕ»

2012

Берег И. В.

Приказ: дойти до Амазонки / И. В. Берег — «ВЕЧЕ»,
2012 — (Военные приключения)

ISBN 978-5-4444-0527-7

Евгений Миронов, сотрудник Службы общей безопасности, хорошо знаком читателям по трилогии Игоря Берега «Приказ есть приказ», «Приказы не обсуждаются» и «Без приказа». Но ведь изначально Миронова и его группу готовили для работы в Латинской Америке. В новом романе известного мастера отечественной остросюжетной литературы рассказывается, как после выполнения очередного задания группа Миронова возвращается домой. Попробуй это выполнить без потерь, если за тобой гонятся американские рейнджеры, наемные убийцы местного наркобарона, правительственные войска, а впереди раскинулись бесконечные, полные смертельных опасностей джунгли Амазонии...

ISBN 978-5-4444-0527-7

© Берег И. В., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	31
Глава 7	34
Глава 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Игорь Берег

Приказ: дойти до Амазонки

© Берег И., 2012

© ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

– Ребята, – в голосе Евгения звучало напряжение, – нас сейчас, кажется, сбивать будут! Парни завертели головами, пытаясь разглядеть, откуда их маленькому самолетику угрожает опасность.

– Вот он, гад, – указал пальцем Миронов.

Справа по курсу действительно виднелась маленькая серебристая точка, которая понемногу увеличивалась в размерах.

– Может, он не сразу сбивать будет? – усомнился Оруджев. – Может, сначала попробует заставить сесть?

– Хотелось бы верить, – сказал Евгений. – Но если они знают, кто мы, то непременно постараются сбить.

Штефырца в бинокль рассматривал приближающийся самолет.

– АТ-33А, – наконец сказал он. – Впрочем, можно было не гадать. У боливийцев только такие штурмовики и есть. По дешевке канадцы продали. В благодарность за выдачу какого-то нациста.

– Что у него за вооружение? – поинтересовался Миронов.

– Два пулемета «Браунинг М3» калибра 12,7. Насчет ракет не знаю. Вообще-то он штурмовик, но в нашем случае вполне может сработать перехватчиком.

– Нам и одного такого пулемета вполне хватит, – сквозь зубы прошипел Евгений, резко отдавая от себя штурвал. – Держитесь, ребятки!

«Цессна» шустро устремилась к земле. Еще бы ей не мчаться! Самолетик, рассчитанный максимум на трех пассажиров, сейчас нес пятерых, да еще их оружие и снаряжение. Непредназначенный для высшего пилотажа, он обычно все же был довольно вертким. Но теперь, перегруженный, только и мог, что с натугой взлететь, терпеливо тащить всех этих здоровенных мужиков и отлично пикировать, поддаваясь силе земного притяжения.

– Командир, он, похоже, действительно нас атаковать собрался! – сказал Штефырца, не отрываясь от окуляров бинокля. Но и без оптики было видно, что заметно увеличившийся в размерах истребитель заходит так, чтобы ему было удобно одной недлинной очередью прошить удиравшую «Цессну».

– Постараемся ему такого удовольствия не доставить... – пробормотал Евгений, теперь уже тянувший штурвал на себя, поскольку до земли, вернее, до пушистого на вид зеленого ковра джунглей оставалось не так уж много, и он опасался, что не успеет вывести потяжелевший самолетик из пике. – Ищите внизу хоть какую-нибудь прогалину!

Все, кто мог заглянуть в иллюминаторы, уставились вниз. Если ничего не подвернется в ближайшие несколько минут, будет очень плохо. Не на деревья же садиться, в самом деле! Такого ни один самолет не выдержит.

А истребитель тем временем все приближался, не открывая, впрочем, пока огня и не пытаясь выйти на связь. Зачем? Небо над этим районом Боливии пустынно, и обознаться пилот не мог. Приказ не допускал вариантов: принудить, например, к посадке или заставить следовать на ближайший аэродром. Сажать здесь некуда, а тратить время и горючее для сопровождения – недопустимая роскошь. Только сбивать. Беглец казался пилоту легкой целью, с которой справиться – пара пустяков. Хотелось для начала рассмотреть его поближе и, может быть, понять, чего это ради такая спешка и такой суровый приказ – уничтожить! Ведь, скорее всего, везут очередную партию наркотиков, предназначенную для переправки в Колумбию. Время от времени такое здесь случалось. Года полтора назад один самолет с грузом кокаиновой пасты даже сбили, и он канул в джунглях. Обломков не нашли. Но и не очень усердно искали. Главное, на снимках, сделанных пилотом, было видно, что самолет (примерно такая же «Цессна») горит

и падает в лес. А леса здесь очень густые. Не сказать чтобы совсем непроходимые, но кому в голову придет шататься в джунглях по доброй воле? Разве что немногочисленным партизанам. Ну и рабочим на тайных плантациях коки. Но те обычно не шляются где попало, а вкалывают под неусыпным надзором охраны, пока не свалятся замертво. Плоды их трудов, аккуратно расфасованные в прочные пластиковые пакеты, разными путями (в том числе и воздушным) отправятся на север для переработки и дальнейшей транспортировки Большому Брату, который так охоч до этой белой гадости.

Вот и нынешний маленький неспешный самолетик наверняка поднялся со скрытой джунглями полосы с намерением проскочить незаметно границы и приземлиться на каком-нибудь заброшенном аэродроме далеко отсюда. Но если так, то ему сегодня не повезло. Зоркий глаз пилота штурмовика с гордым именем «Исидора», нанесенным краской на его фюзеляже, издавлека разглядел маленькую «птичку», и сейчас «Исидора» преподаст ей такой урок, которого «птичка» не забудет уже никогда. Так сказать, до конца жизни...

Евгений Миронов, сидевший за штурвалом «маленькой птички», имел на этот счет совершенно противоположное мнение. Равно и его товарищи, набившиеся в кабину подобно шпротам в банку. Их совсем не грела мысль о том, что трудяга-самолетик будет сбит штурмовиком со столь гордым именем. Да они и не знали, что этот АТ-33А носит вообще какое-то имя. Слишком быстро он проносился мимо, готовясь к атаке и разглядывая свою будущую жертву. Разве увидишь, что там намалевано на носу этой хоть и реактивной, но все же допотопной бяки?

Штефырца, бросивший разглядывать штурмовик и уставившийся в бинокль прямо по курсу, радостно вскрикнул, тыча пальцем в лобовое стекло:

– Командир! Полоса!

Евгений тут же увидел ее. Точнее, не саму полосу, а прогалину в джунглях. Но Мишке виднее, у него в руках бинокль. И, не сомневаясь, он довернул самолет, заставив его одновременно снижаться. Это был их шанс спастись, и упускать его он не собирался.

Ситуация сложилась такая, что было не до положенных по всем летным инструкциям маневров перед посадкой. «Цессна» резко теряла высоту, выходя прямо на прогалину. И пилот «Исидоры» занервничал. Он понял, что добыча уходит, причем уходит нагло, практически не обращая на штурмовик внимания. Дескать, летает там что-то, кружит. Ну и пускай себе кружит, нам на землю надо!

Но приказ-то пилот получил однозначный: «Обнаружить и сбить!» С первой частью он справился без труда, а со второй теперь возникали затруднения. Незначительные. Ведь маленькую «птичку» вполне можно продырявить при заходе на посадку. Что он сейчас и проделает...

Однако «Цессна» так стремительно теряла высоту, что впору было назвать ее снижение настоящим падением. Только упорядоченным и направленным. Направленным в створ деревьев, ограничивавших узкую прогалину в стене джунглей. И была эта прогалина не только узкой, но и весьма короткой. Длины полосы, кое-как расчищенной от пней и лиан, могло для посадки не хватить. Если сюда садились самолеты, то пилоты их были наверняка более опытными, чем Евгений Миронов, майор СОБ, Службы общей безопасности, волей судьбы и начальства оказавшийся со своей группой на далеком американском континенте, выполнивший секретное задание и теперь всеми силами стремившийся вернуться на родину. Да, он умел водить самолеты. Но приходилось это ему делать очень редко и не в такой экстремальной ситуации. А потому на свой пилотский опыт Миронов никак не мог положиться. Оставалось надеяться, что не подведут интуиция и подготовка воина-специалиста, способного выжить в любой обстановке. Тем более что сейчас на нем лежала ответственность не только за свою жизнь, но и за жизни его товарищей-подчиненных. А этот фактор зачастую очень помогает.

– Ох и брякнемся мы... – вздохнул за спиной Миронова Толик Монастырев по прозвищу Портос, занимавший своим мощным телом большую часть тесной кабины «Цессны».

– Не бойсь! – придушенно отозвался откуда-то из глубины салона Леня Шишов. – Командиру верить надо. И нашему самолету тоже.

– Да я не боюсь, – прогудел Портос. – Просто очень быстро мы садимся. Как на лифте опускаемся.

«На лифте»... Да, примерно такие ощущения они в данный момент испытывали. Когда желудок поднимается к горлу, а все остальные внутренние органы словно сжимаются в тугий комок. И подступает предчувствие приближающейся невесомости. Лифт в данном случае был очень скоростным.

Евгению некогда было отвлекаться на разговоры подчиненных и их самочувствие. Вспотевшие ладони стискивали штурвал, глаза впелись в открывавшийся впереди проем между деревьями. Нужно было очень точно попасть в него, причем на минимально возможной высоте, чтобы потом, после приземления, хватило полосы для пробежки и остановки самолета.

А ведь был еще и штурмовик, который непременно, увидев, что цель стремится уйти от него, постарается ее сбить, прежде чем она скроется в прогалине. Но тут Миронов ничего не мог поделать. Малейший маневр уклонения мог привести к тому, что «Цессна» не скользнет между деревьями, а со всего маха врежется в них и тут же запылает, разваливаясь на обломки и выкидывая из своего маленького чрева изломанные тела людей.

Оставалось надеяться на то, что пилот преследующего их штурмовика просто не успеет завершить атаку и вынужден будет резко уйти вверх, чтобы самому не столкнуться с зеленой сплошной стеной. То есть, надеяться только на везение. Которое, к слову сказать, у его группы присутствовало. За все время совместной работы они не потеряли ни одного человека. А ведь были ситуации, когда такое вполне могло произойти! К примеру, в этой же Боливии три года назад, когда они были здесь примерно с такой же миссией. Их должен был забрать вертолет после выполнения задания. Но он не прилетел, и группе пришлось пешим ходом, с правительственными войсками «на воротнике» уходить в сторону Аргентины.

И ведь удалось! Как и во время других миссий, везение было с ними. Так почему бы сейчас ему покидать группу Миронова? Нелогично.

Вопреки тому, что показывают в приключенческих фильмах, мотор «Цесны» не ревел, надрываясь, хотя она и шла к земле с ускорением, практически пикировала. Евгений убрал обороты двигателя, чтобы хоть этим погасить посадочную скорость и самолетик опускался планируя, иногда начиная покачиваться с крыла на крыло. До спасительного просвета оставалось совсем немного. И тут нагонявшая его «Исидора» дала первую очередь.

Пилот штурмовика очень спешил, опасаясь, что сейчас «маленькая птичка» нырнет в лес и скроется из глаз, а потому, что совершенно естественно, промахнулся. Его не стоило осуждать за это. Во-первых, АТ-33А все же был не перехватчиком, а штурмовиком, то есть, изначально предназначался для уничтожения наземных целей, а не воздушных. А во-вторых – слишком мал был боевой опыт у боливийских ВВС, да и регулярных учений они не проводили. Не с кем было воевать мирной Боливии в современном мире.

Штурмовик слишком поздно открыл огонь, и на вторую очередь у него просто не хватило времени. Пилот взял штурвал на себя, и его самолет пронесся над «Цесной», едва не задев верхушки деревьев. Пока он заходил на второй круг, Миронов с некоторым ликованием в душе все же ухитрился «продеть» свой самолетик между деревьями и прижать его к земле.

– Держись! – заорал он.

Удар был очень силен, однако шасси выдержало. «Козла» удалось избежать. Евгений давил на тормоз, ожидая, что вот-вот самолет клюнет носом, но «Цессна» шустро бежала по низкой траве, которой заросла полоса. Похоже было на то, что расстояния для посадочной пробежки все-таки не хватит...

Метрах в пятидесяти от ближайших деревьев одна стойка шасси хрустнула, подломилась, самолет осел на крыло, зацепился им за землю, сломал, крутнулся на месте и, наконец, остановился.

Миронов тут же заглушил двигатель, вытер пот со лба и скомандовал:

– Все наружу! Оружие не забывать!

«Шпроты» с кряхтением выполнили приказ, выбравшись из «банки».

– К лесу! – продолжал командовать Евгений. Он опасался обстрела с воздуха. И не зря.

Разозленный своей неудачей пилот штурмовика сначала прочесал полосу из пулеметов, а потом сбросил парочку небольших бомб. И если обстрел ничего не дал, то бомбы упали на удивление точно: практически рядом с покинутой «Цессной».

Вспышки, грохот разрывов, и вот уже маленький отважный самолет, припав на сломанное крыло, горит, высоко поднимая вверх столб черного дыма.

Исидорой звали мать пилота, и он назвал самолет в ее честь, как американец Тиббетс, сделавший то же самое со своим бомбардировщиком «Энола Гей». А ведь известно, что нес самолет с этим названием...

Штурмовик, удовлетворенный результатами своей работы, еще раз прошел над полосой, наверное, делая снимки горящей «Цессны», и вскоре гул его двигателя затих вдали.

Все перевели дух. Из самолета они захватили только автоматы и запасные магазины к ним. Та малость продуктов и воды, что удалось собрать перед вылетом, сейчас сгорала в погибающем самолете. Ладно, не в пустыне оказались, что-нибудь съестное попадет по дороге...

– Перекур, – решил Миронов. – Только не расслабляться. Борис, Леня – в охранение!

– Перекур с дремотой, командир? – поинтересовался Штефырца, пристраивая под головой ранец.

– Я же сказал – не расслабляться! – ответил Евгений, тем не менее сам приваливаясь спиной к дереву и прикрывая глаза. Ему нужен был отдых больше, чем остальным, все-таки он только что управлял самолетом и смог посадить его на эту узенькую и короткую просеку в лесу.

Глава 2

...Что за напасть с этой Боливией! Ведь нигде больше проколов не случилось! А тут... В прошлый раз вертолет за ними не прилетел и пришлось пешком уходить. Но тогда хотя бы оправдание нашлось: дескать, проверяли новую группу и ее командира – как они сумеют выпутаться из сложной ситуации? Выбрались – молодцы, честь им и хвала, значит, можно в дальнейшем на них надеяться.

Но с той проверки уже три года прошло! Группе Миронова доводилось попадать в такие переделки, что поход к границе с Аргентиной мог показаться пионерской игрой «Зарница». И всегда они могли положиться на поддержку товарищей, которые и оружием, и продовольствием, и транспортом снабдят. А тут – как заколдованное место! Накладка за накладкой!

Он, конечно, не мог знать обо всей сети агентов СОБ в Боливии. Но считал, что их никак не меньше, чем в любой другой стране Латинской Америки. А теперь выходило, что и вправду меньше... Да есть ли они вообще? Нет, не могут не быть! Такой прорехи в своих сетях ни одна спецслужба мира не допустит.

Но если агенты есть, то где же они, где их поддержка? Почему в указанном месте не оказалось автомобиля, а на маленьком аэродроме не дождался вертолет с полным баком горячего?

Условный знак, оповещающий резидента в Боливии, что группа Миронова засветилась и вернуться в Союз легальным путем не имеет возможности, был оставлен в нужное время и в нужном месте. Так какого же черта им пришлось целых четыре дня скрываться в трущобах и, почувствовав, что вот-вот нагрянет полиция с облавой, уходить, так и не дождавшись помощи и прорываться теперь самостоятельно за пределы страны?!

Конечно, во время разработки операции учитывался и такой вариант. Не получив помощи (мало ли что может произойти с резидентом или его помощниками), группа, пополнив припасы, самостоятельно уходит в Аргентину или, что хуже, – в Парагвай. В Чили или Перу прорываться слишком сложно, там Анды, а через них карабкаться совсем не хочется. Ну, был еще один путь. По одной из боливийских рек: Бени или Маморе, которые впадают в приток Амазонки реку Мадейра, и дальше, словно туристы, сплавиться на каком-нибудь пароходике по великой бразильской реке вплоть до Атлантического океана. Долго, но вполне надежно. Только одно затруднение: как пересечь границу Боливии и Бразилии?

Получилось так, что именно этот, самый последний вариант им и приходилось сейчас использовать. Поначалу решили, что на месте будет видно, как границу переходить. Но потом подвернулся аэродром с «Цессной», и ее заправки как раз хватало, чтобы долететь до территории Бразилии. И полет вполне мог закончиться успешно. Но, видимо, прокол у группы был серьезный. Власти подняли на перехват беглого самолетика истребитель. И приказ пилоту был очевиден: «Сбивать!» Очень плохо. Теперь действительно придется топтать ножками оставшиеся десятки километров. И это не по равнине какой-нибудь, а по настоящим джунглям со всеми прилагающимися к ним пакостями в виде хищников, ядовитых гадов да еще, не приведи господи, каких-нибудь совсем диких индейцев. Такие здесь встречаются и хотя каннибализмом не балуются, но неприятности могут доставить значительные.

Буквально через десять минут Миронов и его товарищи убедились, что индейцы – не самый опасный зверь в этих лесах. Услышав тихий свист одного из дозорных, Евгений, еще не открывая глаз и нашаривая лежавший рядом автомат, попытался вскочить, но тут же был брошен на землю сильным ударом в грудь. Автомат, к слову, он так и не обнаружил, а открыв глаза, увидел, что в лоб ему почти упирается ствол «калашникова», прикладом которого, вероятно, и была пресечена его попытка встать. Несколько человек держали под прицелом его троих под-

чиненных, а через минуту еще двое привели Леню Шишова. Бориса Оруджева что-то не было видно, и это вселяло хотя и небольшую, но все же надежду.

Люди, захватившие его группу, выглядели весьма экзотично. Все, как на подбор, худощавые, смуглые, некоторые с висячими усами и жидкими бороденками, они были одеты в старый камуфляж незнакомой расцветки и ботинки армейского образца. На головах – у кого шляпы, у кого – платки, завязанные на затылках. Несмотря на одинаковую одежду, они не производили впечатления бойцов какого-то регулярного воинского подразделения. Скорее – сброд, объединенный общей целью. Банда – вот верное слово. И взгляды бандитов не сулили пленным ничего хорошего.

Однако не все захватчики были худы и невысоки ростом. Один, одетый в камуфлю поновее, возвышался над остальными и был раза в три толще своих подчиненных. Голову его венчал настоящий «стетсон». Или хорошая подделка знаменитой шляпы. Он был без автомата, только на поясе висела кобура с армейским «кольцом». И огромных размеров нож, скорее напоминавший мачете. Главарь, очевидно.

Главарь оглядывал пленников нарочито равнодушным взглядом маленьких, похожих на пороссячи глазок, жевал толстую сигару и словно чего-то ждал. Может быть, первого слова пришельцев?

Но те молчали и «свин» заговорил первым.

– Американцы! – определил он, словно сплюнул. – Зачем вы прилетели, американцы?

Говорил он по-испански, но с каким-то акцентом, даже не боливийским. Ну мало ли кто может оказаться в джунглях... И принял «свин» свалившихся с неба людей за янки, очевидно, из-за формы. Ну да, воспользовались они на этот раз тряпками американского производства. А почему нет? Штатовцы тут довольно часто появляются. Шляются, как в собственном огороде, и никто им не указ. Если что-то нехорошее происходит во время этих рейдов, североамериканские вояки быстренько делают ноги, а потом дипломаты разбираются. Все уже несколько привыкли к такой наглости Большого Брата. Но при случае спуска не дают и если есть возможность поиметь наглецов, делают это с большим удовольствием. Сами виноваты, нечего было лезть, куда не просили. Дипломаты делают большие глаза: «Так это были американские солдаты? А наши доблестные войска посчитали их коммунистическими партизанами и действовали соответственно. Приносим наши искренние извинения и выражаем глубочайшие соболезнования. Просим в дальнейшем уведомлять нас заранее о предстоящих визитах ваших спецподразделений в наши пенаты, чтобы не возникало новых недоразумений». И никакое гневное бормотание о том, что, дескать, американские герои боролись с местными наркобаронами во благо всего цивилизованного мира, не принимается во внимание. Сами, так сказать, разберемся...

Итак, их принимают за американцев. Плохо это или хорошо, пойдем позднее, но сейчас не будем разочаровывать этих бандитов. Английским члены группы владеют неплохо, а недостатки и акцент помогут их речи сойти за «настоящий» американский. Британцы, например, америкосов с трудом понимают. А ведь, казалось бы, на одном языке разговаривают...

Парни, глядя на командира, тоже рта не раскрывали. Попали они в лапы не к боливийским командос, и это был плюс. По крайней мере, не поднимется международный скандал из-за схваченных в джунглях независимой страны «агентов ГПУ, СМЕРШ и КГБ». Конечно, местные специалисты с помощью, естественно, американских коллег в конце концов разберутся, к какой конкретно службе принадлежат попавшиеся. Но скандал от этого не станет тише. Тут главное – орать во все горло: «Глядите, кого сцапали! Коммунисты проникли в самое сердце нашей любимой страны!» А под этот шум очень легко выпрашивать у того же Большого Брата деньги, оружие и технику. На оборону и модернизацию армии.

Но плюс легко перекрывался многими минусами. Например, было совершенно ясно, что захватившие их люди совсем не местные партизаны. Партизан они видели недавно, поскольку

задачей группы было в этот, как и в прошлый раз, обеспечить встречу представителя московской курирующей службы и руководства немногочисленного партизанского движения. И они встречу обеспечили. А прокололись уже позже, после благополучного отбытия московского товарища.

Эти бандиты на партизан мало походили. Нет, конечно, общие черты наблюдались, все-таки и те и другие были боливийцами и обретались в джунглях. Но в остальном... Партизаны боролись за идею, и дисциплина у них соблюдалась почти воинская. А у ребят, стоявших сейчас перед группой Миронова, на лицах явственно просматривалось только два желания: денег и крови! И с дисциплиной было напряженно. Только присутствие главаря не позволяло им пристрелить пленников и поживиться их барахлом.

– Что молчишь, американец? – ухмыльнулся «свин». – Язык от страха проглотил?

Евгений решил, что пора заговорить. А то и вправду подумают, что боится. Настоящий главарь этот бандюга, сразу определил, кто в группе старший.

– Не проглотил, – сказал он по-испански. – Просто думаю о том, что ты хочешь услышать.

– Разговаривает! – фальшиво удивился «свин». – Это хорошо. А знать, американец, я хочу вот что. Зачем вы сюда прилетели и кто дал вам наши координаты.

– Никто нам никаких координат не давал, – спокойно ответил Миронов. – Какой-то сумасшедший самолет атаковал нас, и пришлось срочно искать полосу, чтобы укрыться от него. Сами спаслись, но самолет – сам видишь...

Он кивком головы указал на догорающую «Цесну». «Свин» внимательно рассмотрел его лицо и кивнул.

– Похоже, не врешь. Но ты не ответил на первый вопрос.

«Да он неплохой физиономист! – подивился Евгений. – Надо поосторожнее быть». И сделав выражение лица как можно проще, сказал:

– Мы – съемочная группа, летели делать фильм на границу с Бразилией. Но, как видишь, не долетели...

– Киношники! – поразился «свин». – Это с каких же пор киношники с автоматами разгуливают?

– Места у вас тут беспокойные, – парировал Миронов. – А ваши власти охрану нам выделить отказались. Заявили, что все свободные вооруженные силы сейчас брошены на борьбу с партизанами. Ну, мы и озаботились оружием, чтобы в случае чего было чем обороняться.

– Не получилось у вас обороняться, – довольно оскалился «свин». – Мои воины, как видишь, взяли вас без единого выстрела.

– Не получилось, – сокрушенно вздохнул Евгений. И постаравшись, чтобы в его голосе прозвучало как можно больше надежды, спросил: – Но вы ведь нас отпустите? Поможете добраться до ближайшего города? Мы заплатим!

– Отпустим? – вновь посерьезнел «свин». – А где ваши камеры, американские киношники? Аппараты разные, другое снаряжение?

– Все сгорело, не успели вытащить из самолета. Сами еле выскочили.

– Автоматы, значит, успели прихватить, а камеры – нет! – констатировал «свин». – Плохие вы киношники, если камеры свои бросаете! А может, вы и не киношники вовсе? – Он подозрительно прищурился. – Какие-нибудь «морские коттики», которые собрались нас здесь разыскать и убить?

– Какие из нас «коттики»? – почти искренне рассмеялся Миронов. Его товарищи тоже изобразили на лицах улыбки. – Да и оружие не американское. «Морские коттики» всегда со своим воюют. Это в каждом фильме показывают!

– Американец, ты меня совсем за идиота принимаешь? – вдруг разозлился «свин» и даже схватился за рукоятку пистолета, торчащую из кобуры. – Сам говоришь, что киношник, и тут же утверждаешь, что в кино все правда! Там одно вранье! И про Америку вашу долбаную и

про «котиков» ваших! Это в кино они отважные и всех побеждают! А на самом деле только выстрелы услышат, как тут же накладывают в штаны и бегут со всех ног! И оружие у них дерьмо! Ничего нет лучше русского автомата!

Стараясь утихомирить этого громилу, Евгений поднял ладони к груди, словно защищаясь от его ярости, и сказал примирительным тоном:

– Вообще-то я не американец...

– А кто? – подавился слюной «свин».

– Ирландец. Из Дублина. Только живу сейчас в Нью-Йорке. Временно.

– Один дьявол – американцы, ирландцы! – не дал себя запутать «свин». – Все вы, белые, лезете сюда, к нам, везде нос суете! Почему не сидите дома?

– Ну, мы же просто снимаем кино и рассказываем людям о вас, о том, как вы здесь живете, – резонно заявил Миронов. – Разве вам не приятно знать, что во всем мире о вас смотрят кино?

– Не приятно, – буркнул, вдруг успокаиваясь, «свин». – Мы не хотим, чтобы о нас знали. И хватит разговаривать!

Он убрал пальцы с кобуры и скомандовал:

– Связать им руки! В лагере будем разбираться.

Евгений поймал вопросительные взгляды своих людей и едва заметно кивнул. Пусть все пока идет своим чередом. Освободиться они всегда успеют. Тем более что, судя по всему, Оруджев остался на свободе. Он что-нибудь придумает. Нужно разобраться, к кому они попали и каковы силы противника. Может быть, даже удастся раздобыть какое-то транспортное средство, сократить долгий путь до бразильской границы.

Руки им связали за спинами и, подталкивая стволами автоматов, повели по едва заметной тропинке в джунгли. Глаз не завязывали. И это было плохо. Если собирались впоследствии отпустить, то непременно позаботились бы о том, чтобы нежданные гости не запомнили расположения лагеря. Значит, придется все же действовать жестко. Ну и что? Не привыкать.

Ребята из его группы особенно по сторонам головами не крутили. Побывали они уже в этих джунглях. И хотя в прошлый раз все происходило значительно южнее, здешние леса немногим отличались от тех, по которым приходилось пробираться в Аргентину. Так же щебетали разнообразные птицы, верещали обезьяны, и лучи солнца едва-едва пробивались сквозь густую листву.

Когда через полчаса добрались до места, Миронов сразу понял, что предполагаемая судьба их незавидна. Это была тайная лаборатория по изготовлению кокаина. Несколько хижин, скрытых под почти сплошным покровом деревьев, дощатый барак непонятного предназначения, большой сарай, где наркотик и делали, кухня. И отдельно стоящий домик.

Если хижины, барак, сарай были сляпаны на скорую руку и являлись временными пристанищами, то домик выглядел более основательно. Там явно жили не простые работники. Может быть, даже не бандиты, захватившие группу Миронова. Скорее всего, хозяин этой лаборатории и настоящий повелитель охранников, которых он послал узнать, что за стрельба и взрывы происходят на подвластной ему территории.

Но хозяина сразу увидеть не удалось. Обыскав пленников и убедившись, что в их карманах кроме мелких монет, сигарет, зажигалок и носовых платков нет больше ничего, их затолкали в барак и заперли в клетке, расположенной в углу довольно просторного помещения с примитивными лежаками. Очевидно, здесь спали рабочие, а клетка служила карцером и по случайности сегодня как раз пустовала. А может быть, штрафников специально выпустили, чтобы освободить место для новичков.

Первым делом, когда, закрыв навесной замок, конвоиры ушли, группа осмотрела свое жилище и пришла к выводу, что вырваться из него – пара пустяков. Клетка, хотя и была сва-

рена из толстых арматурных прутьев, при надлежащим образом приложенных усилиях серьезного натиска не выдержит. Да и замок – ерунда на постном масле. Три минуты на открывание.

Видимо, карцер был рассчитан на рабочих лаборатории, истощенных тяжелым трудом и плохой кормежкой. Тем было не до побегов. Они хотели только одного: прожить подольше, а там как бог даст. По сути, эти люди превратились в бессмысленный скот, знавший только однообразную работу, скудную еду и сон на жесткой подстилке.

Разговаривали шепотом и по-английски. Стенки у хижины были тонкими, пленников могли подслушивать.

Первым горячо зашептал Шишов.

– Командир, я только свистнуть успел, как мне к горлу нож приставили, а к затылку ствол! Черт его знает, откуда они возникли!

Миронов нервно дернул щекой.

– Хороши специалисты! Какие-то бандюганы их повязали...

И видя, как возмущенно и обиженно вскинулись его бойцы, пресек их протест:

– Все! Потом разбираться будем, кто прав, кто виноват. Сейчас о деле надо думать! Предложения?

– Да какие предложения?! – Монастырев был как всегда прямолинеен. – Охрану вырубить, оружие отобрать и всем надрать задницы, чтобы неповадно было! Клетка эта – курам на смех!

– Спокойнее, Портос, не торопись! Ты знаешь, сколько охраны здесь с автоматами? Я вот только семерых видел. А если их в несколько раз больше? От нас не убудет, если еще немного в узников поиграем. Надо сначала разобраться, что и к чему. С их главным встретиться. Может, все миром уладим.

Он помолчал несколько секунд и добавил:

– Хотя это весьма сомнительно. Вы поняли, куда мы попали?

– А чего не понимать? – хмыкнул Штефырца. – Наркоту они тут готовят. И полоса для того, чтобы вывозить.

– Думаешь, наземной дороги нет?

– Если и есть, то по ней только припасы можно доставлять. Кокаин не повезешь, наверняка военные патрули шастают. Вглубь, сюда, например, не суются, а перехватывают в пути. Воздухом отсюда легче товар возить.

– То-то мы так легко улетели, – пробурчал Монастырев.

– Мы – особенное дело, на нас охота была объявлена. Вот и послали самолет. А этих кто проконтролирует?

– В прошлый раз мы как-то увильнули от знакомства с этими фабрикантами, – вздохнул Шишов.

– Кстати, – вмешался в начинающийся спор Миронов. – Я не уверен, что охота закончилась.

– Нет, командир, – авторитетно заявил оправившийся от смущения Шишов. – Скорее всего, увидев фотографии горящей «Цессны», те, кто охоту объявил, решат, что и мы с ней накрылись. И отстанут.

– Ты считаешь? – строго глянул на него Миронов, и Леня сразу сник. Ведь в том, что их застали врасплох, была большая часть его вины.

– А мне так не кажется, – продолжил Евгений. – Самолет-самолетом, но сгорел-то он на полосе, а не был сбит. Так что мы вполне могли спастись. Что и произошло. Но если на нас объявлена действительно серьезная охота, то эти люди не успокоятся и пришлют кого-нибудь проверить.

– И будет этот кто-то, – подхватил Штефырца, – вооружен до зубов и очень сердит.

– Вот именно, Миша, – кивнул Миронов. – А следовательно, долго нам здесь задерживаться не стоит. Но пока – всем отдыхать. Не будем торопить события.

Несколько минут прошли в молчании. Потом Шишов подал голос:

– А знаете, здесь не кокаин делают...

– В каком это смысле? – открыл глаза Миронов.

– Ну, чистым кокаином в основном колумбийцы занимаются. А здесь сырье для него делают – пасту коки.

– Так, – заинтересовался Монастырев. – И что ты еще про эту гадость знаешь?

– Да так, мелочи, – неохотно сказал Леня.

Но Миронов его подбодрил:

– Давай, давай! Проведи политинформацию!

Сам он многое о кокаине читал при подготовке операции, но был уверен, что люди его пробежали документы взглядом и тут же забыли. А зря, ведь те же партизаны получали от кокаиновых производителей достаточно ощутимые дотации и не гнушались этими деньгами.

– Ну, – начал Шишов, – еще три тысячи лет назад местные жители жевали листья коки и считали, что это подарок богов. Целые плантации существовали. Кока тонизировала, помогала в работе. Кстати, первая «Кока-кола», которую придумал этот аптекарь, как его, Пембертон, содержала в себе кокаиновый сироп и только спустя несколько лет его из рецепта удалили.

Ну вот. Когда испанцы в Южную Америку пришли и обосновались окончательно, землевладельцам даже разрешили платить налоги листьями коки. А позже в Англии один чудик стихи написал «Поэма о коке». Но тогда еще кокаина не было, его только в девятнадцатом веке научились изготавливать. Во Франции вино стали выпускать с кокой. «Вино Мариани» называлось. Причем для себя они делали это вино с меньшим содержанием кокаина, а на экспорт – с большим.

– Всегда говорил, что эти французики – слабосильная нация, – заметил с пренебрежением Штефырца.

– Не мешай! – недовольно сказал Портос. – Что там дальше было, Леня?

– А дальше кокаин использовали как анестезирующее средство в медицине и пытались им лечить героиновую зависимость. Но потом обнаружили, что и этот наркотик вызывает привыкание и очень вреден для человека. Стали с ним бороться. Потом американцы синтезировали из кокаина крэк и пошло-поехало... Сейчас кокаин ввозят в Штаты и Европу тоннами.

– Так почему ты сказал, что здесь кокаин не делают? – не отставал Толик.

– Не выгодно, наверное, возиться, – пожал плечами Шишов. – Только полуфабрикат изготавливают, эту самую пасту. А потом в Колумбию переправляют. Там океан есть, по которому наркотики легче вывозить в другие страны.

– И как его делают, этот кокаин? – неожиданно проявил интерес Штефырца, до того слушавший рассказ Лени презрительно кривя губы.

– Довольно сложный процесс, сплошная химия. Сначала листья собирают и высушивают на солнце. За световой день один человек может собрать около двадцати пяти килограммов. А после просушки остается десять. Потом листья обрабатывают раствором извести или чем-то подобным и начинают вымачивать в керосине. Через сутки массу вынимают, а в жидкость добавляют раствор серной кислоты, что-то там оседает, керосин сливают и опять туда – щелочной раствор. Вот тогда и получается эта паста коки. Из тонны листьев выходит где-то десять килограмм пасты. Ее фасуют и переправляют в Колумбию. Там окончательная доработка. Из двух с половиной килограмм пасты получается килограмм основания кокаина. Это основание уже можно курить, как анашу.

– Но, вообще-то, насколько я помню, кокаин – это белый такой, тонкий порошок. Его нюхают, – авторитетно заявил Мишка.

– Ты что, пробовал? – спросил Леня. Равнодушно так спросил, но Штефырца почувствовал, как приятель напрягся.

– Что я, псих? В кино видел! Там все бандиты и аристократы его нюхают.

– А-а, понятно, – протянул Шишов. – Порошок получают, растворяя основу в эфире, и опять добавляют кислоту, только уже соляную. И ацетон. Фильтруют, просушивают, потом уже можно нюхать.

– Или нельзя, – сказал, словно подводя итоги лекции, Миронов. – Гораздо больший вред, чем сам кокаин, организму приносят все те гадости, которые используют, чтобы его изготовить.

И кстати, совсем не обязательно этот порошок нюхать. Есть любители колоться. Разбавляют порошок и – в вену. А если нюхают, то, для большего шика, сворачивают трубочки из долларов. Хороший тон – стодолларовая купюра. Делают две «дорожки» – тоненькие такие ниточки из порошка и – в каждую ноздрю.

– Остаток потом в десны втирают, – встрял Штефырца и тут же добавил: – Тоже в кино видел!

Все рассмеялись. Потом Монастырев задумчиво произнес:

– Керосин – это удачно. Его тут много должно быть...

Все молча согласились, что керосин – это действительно очень хорошо. Когда придет время...

Прошло примерно два часа сидения в клетке, и на пороге барака появились охранники. Один направил автомат на пленников, а второй отпер замок и скомандовал Миронову:

– Выходи!

– Расстреливать поведете? – невинным тоном спросил Евгений.

– Потом расстреляем! А сейчас с тобой поговорить хотят.

Миронов понял, что предстоит встреча с хозяином этой лесной лаборатории.

– Спокойно, ребята, – сказал он своим подчиненным. – Я скоро вернусь.

Глава 3

Впереди него шел один охранник, позади другой. По пути к домику Евгений оглядывался по сторонам. Сборщики листьев коки, видимо, были на плантациях. Их пригонят к вечеру. А в той хижине, которую он определил как лабораторию, работа кипела. Там сновали люди, жужжала какая-то машинка, раздавались голоса. Насколько он мог увидеть, местные «химики», возясь с ядовитыми веществами, не пользовались даже респираторами и лишь отворачивали лица от кислотных испарений. Людской материал здесь не ценили. На смену умершим всегда найдутся другие. Веселенькое местечко... Он дал себе слово, что, когда будут уходить, разгромят и сожгут здесь все дотла. В том, что группа сумеет уйти, Миронов не сомневался ни секунды. Его ребята были настоящими боевыми машинами и, случалось, выходили живыми и невредимыми из ситуаций посложнее, чем эта.

Другое дело, что руководство не приветствовало «шумных» операций. В идеале любая работа должна совершаться тихо и незаметно. Тогда она наиболее эффективна. А в случае шума наказывать не будут по возвращении, однако и не похвалят. Но тут уж ничего не поделаешь. Даже если удастся договориться с местным боссом и он отпустит «киногруппу», они все равно вернуться сюда и не оставят от лагеря камня на камне. В данном случае – полена на полене.

Не верилось Евгению, что их тихо-мирно выведут на дорогу, дадут пинка и скажут: «Валите на все четыре стороны!» Местным наркодельцам гораздо проще так же тихо-мирно вывести четырех непонятных америкашек «за околицу» да и пристрелить. За пару дней местное зверье так поработает с трупами, что потом их никакая экспертиза не опознает.

Но поговорить с хозяином лаборатории все же было нужно. Хотя бы для расширения кругозора и углубления знаний о столь негостеприимной стране. Кто его знает, может быть, эта операция в местных джунглях не последняя для его группы...

Домик босса был небольшим, сколоченным из досок и с противомоскитными сетками на окнах. Но на двери был установлен массивный запор – наверное, чтобы подчиненные не залезали внутрь – украсть что-нибудь вроде выпивки и сигар.

Первый конвоир постучал в дверь. Из-за нее донеслось:

– Entra! Входи!

Евгения втокнули внутрь. Дверь за ним закрылась. Охранникам не позволено было соваться в «чертоги» хозяина.

Из-за стола поднялся плотный, если не сказать толстый, человек с пышными усами на красном лице, одетый в светлый полотняный костюм и мягкие туфли.

– Ну как же, сеньор американец, как же эти остолопы не удосужились развязать вам руки? Сейчас мы это исправим!

Откуда-то из-за спины он извлек здоровенную наваху, раскрыл ее и одним движением перерезал стягивающую запястья Миронова веревку.

– Присаживайтесь, сеньор, вот стул! – продолжал показывать радушие хозяин.

Евгений сел, растирая затекшие руки и оглядываясь по сторонам. Особенно посмотреть было не на что. Стол, два стула, невысокий шкаф в углу, непременно распятие на стене. И там же – карта Боливии с нанесенными на нее метками. Это уже интересно. Но – потом. Сейчас не стоит обращать на нее особого внимания.

В домике была и вторая комнатка, но закрытая дверь не позволяла увидеть, что внутри. Скорее всего, там босс спал. И там же наверняка рация. Ну не могут они без связи обходиться, непорядок!

– Прежде всего, позвольте представиться, – сказал усатый хозяин, садясь на стул по другую сторону стола и выставя бутылку неплохого виски и два стакана. – Как, выпьете со мной?

Миронов, не чинясь, согласился.

– Вот и отлично! – обрадовался босс. – А то в этой глуши не найти порядочного человека, с которым можно было бы выпить как следует.

Он плеснул в стаканы понемногу и поднял свой.

– Ваше здоровье!

Пригубил и продолжил:

– Зовут меня дон Хосе Агирре Москосо. Я управляющий в этом маленьком лесном лагере. А теперь позвольте поинтересоваться вашим именем, сеньор американец. Ведь мои люди не обнаружили при вас никаких документов, способных подтвердить или опровергнуть вашу легенду.

Правильно, ничего они не нашли, ведь сумка с документами, деньгами и прочими бумагами находилась у Бори Оруджева. А его не взяли. Да и если бы попытались взять, все равно это мало бы им помогло в идентификации. Небольшой заряд термита за несколько секунд уничтожает содержимое сумки.

Поначалу Миронов нагло хотел представиться Джеком Райаном, но потом решил, что толстенные романы Кленси могли добраться и до Боливии.

– Помилуйте, дон Москосо! – воскликнул он, ставя стакан на стол, словно в волнении. – Какая легенда? Я – Джек Уилсон, режиссер из Нью-Йорка! Моя киногруппа летела на границу Боливии и Бразилии, мы собирались начать там съемки фильма о величайшей из рек мира – Амазонке. Но какой-то сумасшедший самолет вдруг стал охотиться за нашей «Цессной». И если бы не подвернувшаяся в последнюю минуту заброшенная посадочная полоса, непременно сбил бы нас! Наш маленький самолетик при посадке был поврежден, мы выскочили, схватив кто что успел. А этот негодяй не оставил нас в покое, стрелял из всех пушек и, можете себе представить, даже сбросил бомбы! От взрывов самолет загорелся, и в огне погибла не только съемочная аппаратура, но и продовольствие. А также, как я теперь понял, все документы, которые находились у директора нашей группы. Это – большая потеря, я не представляю, как мы теперь свяжемся с властями, чтобы вызвать спасателей! Но, сеньор Москосо, может быть, у вас есть рация или что-нибудь подобное? Мы будем вам очень признательны, если поможете сообщить властям о нашем бедственном положении. Они не дали нам солдат в сопровождение, но хоть спасти нас смогут?

Миронов нервным движением схватил стакан и сделал из него крупный глоток. Дон Хосе Агирре на протяжении всего монолога молча разглядывал Евгения. Потом улыбнулся и спросил:

– А этот, как его, директор, у которого были документы, тоже погиб вместе с ними?

– Да нет! – отмахнулся Миронов. – Сам-то он, мерзавец, успел выскочить! А мы по его вине стали какими-то подозрительными личностями без рода и племени. Даже вы, уважаемый сеньор, смотрите на меня с сомнением! Но, уверяю вас, мы действительно киногруппа, силой обстоятельств и чьей-то злой воли попавшая в бедственное положение.

– Скажите, сеньор э-э-э Уилсон, вы давно находитесь в Боливии?

– Нет, всего вторую неделю. А в чем дело? – вроде бы легко, но внутренне напрягаясь спросил Евгений.

– Говорите вы уж больно цветисто и многословно. Насколько мне известно, ирландцы (а вы ведь, кажется, ирландец?) менее разговорчивы...

– Ах, вот вы о чем! – рассмеялся Миронов. – Это, знаете, уже стало моей привычкой! Даже родственники в Дублине делают мне замечания: «Ох и болтун ты стал, Джек!» Я много путешествовал по Латинской Америке. Перу, Эквадор, Венесуэла, Чили. Профессия, знаете ли. Вот и впитал местную привычку к говорливости.

Насчет географии – было правдой. Со своей группой он выполнял задания руководства во всех этих странах и далеко не всегда в легальном статусе.

– То-то я смотрю, ваш испанский практически лишен боливийского акцента, – заметил дон Москосо, снова берясь за бутылку и собираясь пополнить стаканы...

– Ну, откуда же ему было взяться? – широко улыбнулся Евгений. – За то время, что мы провели в вашей чудесной стране, я еще не успел пропитаться здешней атмосферой.

– Наверное, и не успеете, – негромко, словно про себя, заметил дон Москосо.

– Как вас понимать? – поднял брови Миронов.

– Давайте поговорим об этом потом, – рассеяно, будто о чем-то незначащем, сказал боливец. – А сейчас лучше выпьем и вы расскажете мне о Голливуде. Вы ведь бывали там? Наверное, завсегда всяких вечеринок, церемоний вручения «Оскар» и всего прочего такого?

– Н-нет, – промямлил Евгений. Он, конечно, мог бы наврать с три короба про околкиношную мишуру, но что-то ему расхотелось врать, после невинного вроде бы замечания этого босса из джунглей. – Мы ведь документалисты, не с актерами работаем, а с обычными людьми, с природой. Кто нас будет звать на вечеринки и угощать французским шампанским? Это, если действительно фильм выдвинут на какую-нибудь премию. Но мне пока не доводилось получать номинации.

– Очень жаль, – расстроился дон Хосе. – В кои-то веки встретишь здесь цивилизованного человека и у него так мало информации о том, что тебя действительно интересует! Обидно, обидно... Ну, да ничего, давайте еще выпьем и продолжим. Вы ведь понимаете, куда попали?

Та-ак, начинается действительно серьезный разговор.

– Ну-у, – протянул Миронов, – в общих чертах...

– Это хорошо, – удовлетворенно кивнул хозяин хижины. – И одновременно плохо. Буду с вами предельно откровенен. Ведь мы же цивилизованные люди, не так ли?

Евгений кивнул, ожидая продолжения.

– Волею случая или же все-таки намеренно вы попали туда, куда посторонний человек не должен попадать, и увидели то, чего этому же постороннему человеку видеть совсем не нужно и даже смертельно опасно. Как вы понимаете, мы здесь занимаемся делом, которое почему-то считается противозаконным и карается большими тюремными сроками. Мы в тюрьму не хотим и поэтому оберегаем наше маленькое предприятие изо всех сил. Но в один прекрасный день с неба на нас падает группа каких-то непонятных людей. Без документов, но, заметьте, с оружием. Действительно ли это совершенно невинные кинематографисты или же специальный отряд, посланный, чтобы разыскать нас и наше производство с целью уничтожения – сейчас никто не разберет. Но это и не важно! И в одном, и в другом случае – что прикажете делать с такими пришельцами? Ведь если они даже действительно те, за кого себя выдают, для их спасения прилетят вооруженные солдаты, которые, обнаружив наше маленькое производство, откроют огонь, всех здесь убьют и все сожгут. Печальный конец, не правда?

Не дождавшись ответа, он продолжал:

– Даже если мы завяжем этим вроде бы кинематографистам глаза, вывезем на какую-нибудь дорогу и там отпустим, итог все равно будет грустным. Кинематографисты расскажут властям о том, что они видели, и власти, вспомнив, где был на днях сбит маленький самолет, пошлют к месту его падения вооруженных солдат. О результате догадайтесь сами...

– Мы будем молчать! – попытался прервать его речь Евгений, но дон Москосо поднял ладонь.

– Прошу не перебивать! Ведь я не мешал вам говорить? Вот и дослушайте до конца. Итак, что же нам делать с незваными гостями? Свернуть наше производство, искать для него новое место, а гостей отпустить? Слишком хлопотно и убыточно, ведь работа идет у нас непрерывно, как мы можем ее остановить? Взять гостей на работу? Но они вряд ли согласятся. Ведь не согласитесь?

Евгений пожал плечами.

– Не согласитесь, – кивнул дон Москосо. – Хотя даже если согласитесь, то все равно будете искать возможности для побега. Не все добегут, сельва есть сельва. Но, предположим, хотя бы одному из вас удастся добраться до представителя властей. Конец для нашего производства опять же плохой.

Он остановился, снова плеснул виски в стаканы, отхлебнул из своего.

– Теперь вы видите, что остается всего лишь один выход, как это не печально. Вы разумный человек, цивилизованный, я уже говорил об этом, поэтому должны понимать – других вариантов просто не существует. Так что сегодня, ближе к вечеру мы и решим эту проблему. Или вы предпочитаете рассвет?

– Конечно, предпочитаю, – буркнул Миронов.

Он понимал, что с этим хладнокровным убийцей договориться невозможно, и все же сделал еще одну попытку:

– Но послушайте, уважаемый сеньор! Ведь власти все равно пошлют кого-то к останкам нашего самолета и тогда непременно обнаружат вас!

– Ну что вы, дражайший сеньор Уилсон! – мягко улыбнулся в усы дон Хосе. – Кто будет искать какой-то самолетик в джунглях, даже если на нем и летели настоящие американские кинематографисты? Для вида организуют в сельву парочку коротких вылазок небольших отрядов – и все! Разведут руками, говоря вашим дипломатам: «Простите, у нас слишком большие и необжитые пространства!» Разумеется, могут найтись энтузиасты, хотя бы из числа ваших коллег, которые на собственные средства станут вас разыскивать. Но много ли у них шансов? Остатки вашего сгоревшего самолета мои люди сейчас тщательно маскируют, лагерь наш с воздуха не заметен. Ну а если случайно кто-то попадет сюда, то отправится той же дорогой, что предстоит пройти и вам в самое ближайшее время. Как мы договорились – завтра на рассвете.

– Мы могли бы хорошо заплатить... – начал Евгений, но уса́тый Москосо прервал его.

– Оставьте! Ваши наличные сгорели, как вы сами утверждаете, в самолете. А получение еще каких-то денег связано с такими трудностями, что не стоит и затеваться. Нас могут принять за бандитов, захвативших заложников. А это очень серьезное преступление. Стоит ли хлопотать? Лучше мы будем заниматься нашей привычной работой.

Да-а, крыть Миронову было нечем. Этот рабовладелец (а кем еще могли быть люди, работавшие на него, как не рабами?) был по-своему прав. Действительно, зачем огород городить, если можно просто и быстро избавиться от возникшей помехи?

– А если бы мы были действительно спецгруппой, посланной разгромить ваш лагерь? – с усмешкой спросил Миронов. Теперь ему терять было нечего.

Дон Москосо расхохотался. Он хохотал долго, басовито, утирая слезы огромных размеров носовым платком. Потом, несколько успокоившись, щедро налил виски в стакан Евгения, не забыв про себя, и даже угостил «гостя» отменной колумбийской сигарой, которая, на непривычный вкус Миронова, была ничуть не хуже легендарной кубинской. Дон сам массивной золотой гильотинкой отрезал кончик сигары и почти с поклоном подал ее гостю-пленнику.

– Насмешили, насмешили, сеньор Уилсон! – сказал он, все еще похрюкивая. – Да разве же настоящие командос, посланные для уничтожения очередного промышленника вроде меня, выглядят так, как вы и ваши товарищи?

– А чем же мы плохи? – спросил Евгений. Он, если честно, был неприятно удивлен. Все эти хваленые командос и в подметки не годились его ребятам! Детский сад против футбольной команды! И надо же, на взгляд этого уса́того борова они не похожи на настоящих бойцов!

С одной стороны, это хорошо. Пусть противник до последнего мгновения думает, что перед ним дилетанты, штатские лопухи. Ему такое заблуждение дорого будет стоить. Но с другой стороны... Обидно, да?!

– Те парни, что охотятся на меня и моих коллег, выглядят совсем иначе. Они экипированы, вооружены совсем не этими вашими русскими пукалками. И они никогда так по-глупому не попадают в засады моих людей! Хотя, конечно, им тоже от нас достается. Но все же это – уважаемые противники! А что можете вы? Ой, не надо меня больше смешить! Ступайте к своим товарищам и сообщите им о ближайшем будущем. Прощайте, сеньор Уилсон!

Не вставая со стула, он помахал короткопалой волосатой рукой. Тут же, словно подслушивали под дверью, вошли двое громил, что сопровождали Миронова в домик босса. Руки связали за спиной как раньше. И, подтолкнув стволом калашниковской «пукалки», направили к месту заключения. С дымящейся сигарой в зубах Евгений зашагал по лагерю.

Чувства в его душе бушевали совершенно противоположные. С одной стороны, разбирал смех – эти уроды думают, что им действительно попались лопухи-американцы, которые, словно бараны, покорно пойдут на убой. А с другой стороны, он был вне себя от негодования: какой-то полудикий козел посмел назвать лучший в мире автомат «пукалкой»! Но через полминуты Евгений, как привык уже давно, взглянул на себя со стороны и мысленно понурил голову. Неразбериха последних дней сказала, что ли? Ну как можно было давать волю эмоциям в подобной хотя и не критической, но все же связанной с некоторыми затруднениями ситуации? Он бы еще на этого дона с кулаками полез! Позорище! Хорошо хоть подчиненные не видят. Немедленно собраться и думать о дальнейших действиях!

Расстрел отложили до утра. В благородство решил поиграть дон Хосе Агирре Москосо. Это хорошо. Можно будет все организовать без спешки. Да и ночная темнота для предстоящего только на руку. Вот поесть бы не мешало. Жаль, за разговором забыл попросить, чтобы группу накормили. Тоже непростительно для командира. Как-то все в этой операции идет наперекосяк! Сначала засветка. Но с ней можно и нужно будет разбираться уже в Москве. Потом невозможность прорыва в сторону Аргентины, экспромтный захват «Цессны», бой (ну не совсем, если честно, настоящий воздушный бой) с военным самолетом, аварийная посадка и захват головорезами Москосо. Как пацанов, действительно, взяли! Теперь вот он эмоциям дает волю. Далеко пойдете, товарищ майор...

Он шел, попыхивал сигарой, а глаза замечали каждую мелочь на территории лесной лаборатории, способную пригодиться наступающей ночью. Помочь может все: от куска веревки до мачете, воткнутого кем-то в ствол дерева. Ну и многое другое...

Группа встретила его вопросительным молчанием. Подождав, пока конвоир, закрыв замок, удалится, Евгений сел на пол, прислонился к решетке спиной и сказал:

– Так, парни, будем работать!

– Что, не удалось лапшу на уши им повесить? – спросил Штефьрца. По-английски это звучало несколько диковато.

– Нет, с лапшой как раз все в порядке. Мы – группа американцев-киношников, летевшая снимать фильм об Амазонке на границу Боливии и Бразилии. Неизвестно по каким причинам армейский самолет решил нас атаковать. Мы совершили экстренную посадку, и при пожаре вся аппаратура сгорела. А также – документы. Леня – ты директор киногоруппы, отвечавший за сохранность документации. И благополучно забывший их в панике. Будешь отвечать по возвращении.

Шишов пригорюнился. Отвечать он, конечно, будет. Но не за мифические сгоревшие документы, а за то, что проворонил местных бандитов, сумевших бесшумно подобраться к группе на отдыхе. И мало ему не покажется. Миронов будет гонять по штурм-полосе до изнеможения. Такие промахи без наказания не остаются. Все в группе понимали это и не роптали. Накосячил – отвечай.

– Борис не проявлялся? – спросил Миронов.

– Пока нет, – за всех ответил Штефьрца. – Может, они его – того?..

– Думай, что говоришь! – рыкнул на него Толик-Портос. – Чтобы Борю эти козлы... Он завозился, за спиной у него раздался тихий треск, и вот уже у Монастырева свободны руки.

– Спокойно, Портос, не начинай раньше времени суетиться, – охладил его пыл Евгений. – Нет, Борис на свободе, иначе этот местный дон похвастался бы мне. Ничего, стемнеет, тогда он и проберется сюда. Сейчас наверняка вокруг кружит, обстановку разведывает. Так, а это у вас что?

На полу лежала приличных размеров банановая гроздь и глиняный кувшин.

– Это, командир, в твоё отсутствие охрана притащила. Чтобы, значит, с голоду не померли, – сообщил Шишов. – Но мы без тебя не начинали.

– Парни, что в кувшине? – спросил Миронов, нюхая горлышко.

– По-моему, вода, – сообщил Мишка.

– Не вздумайте пить! У них желудки привычные к местной микрофлоре, а мы потом можем все окрестности обдристать. Потерпите. Бананы можно есть, на вид они довольно спелые. Не мясо, конечно, но червячка заморим. А потом и обсудим, как действовать.

Все принялись за еду. Монастырев, заглотив очередной плод, сказал:

– Чего тут думать? Мишка замок обещался на раз открыть. А если у него не получится, я клетку эту разнесу к чертовой бабушке. Положим охрану и дернем в лес!

– Расстреливать нас рано утром собрались, – сообщил, жуя, Евгений. – Так сказать, традиционно. Да, действительно, скоро уже совсем стемнеет, чего им торопиться. Их босс уверен, что мы и взаправду американские киношники. Сказал, что мы на командос не тянем. Спокойно, не шумите, так лучше! Значит, считают, что мы бежать не попытаемся и клетку открыть не сможем. Вот и хорошо. Давайте прикинем план...

Глава 4

Оруджев объявился, когда совсем стемнело. Но сначала, до того как на джунгли упала ночь, с плантаций привели рабочих. Их накормили какой-то похлебкой. Мишка принюхался и морщась сказал:

– Похоже, рыбный суп. Причем рыбка явно несвежая. Бедняги!

Поев, рабочие перекурили перед входом в барак и попадали на лежаки. Вскоре густой храп заполнил помещение, так что вполне стало возможно говорить в полный голос. Дон Москосо выматывал своих рабов до степени полного оскотинения. Не слышно было даже непрерывных разговоров перед сном, какие обычно бывают в лагерях. И на пленников в клетке никто не обратил внимания. Обычное дело.

Единственная лампочка под потолком погасла, дверь, судя по звукам, закрыли на крепкий засов. Где-то неподалеку негромко тархтел слабосильный дизель – хозяевам лаборатории еще требовалось электричество. Наступало время действий.

Тут и подал знак Борис Оруджев. Из-за стены барака, к которой почти примыкала клетка, раздался его голос:

– Ребята, вы как там?

Говорил Борис по-русски, и Миронов тут же прошипел ему:

– Speak English!

Не хватало еще, чтобы местные заподозрили в них русских! Хотя, откуда бы им знать иностранные языки вообще?

Оруджев, не спрашивая причины, перешел на язык британцев:

– Я сейчас пару досок осторожно подломаю. А вы пока из своей клетки выбирайтесь!

Штефырца удивился:

– Откуда это он о нашей тюрьме знает?

– Мишка, заткнись и работай руками! – донеслось из-за стены. – Я вас в щели еще днем хорошо разглядел!

Больше ни о чем не расспрашивая, Штефырца вытащил из шва своей куртки кусок тонкой стальной проволоки, который не обнаружили при обыске, и занялся замком. Открывание его действительно заняло не больше пары минут. Тем временем без особого шума Борис удалил два довольно больших куска досок из стены и образовался проход, через который запросто мог пролезть даже массивный Портос. Когда Оруджев успел подпилить доски и чем, – осталось его тайной. Но никто и не выспрашивал – не до того было.

Они оказались на свободе. И каждому вылезавшему из дыры Борис вручал по «калашникову».

– Молодца! – восхитился Штефырца. – Где добыл?

– Да так, – скромно сказал Оруджев. – Помародерствовал немного...

– Надо полагать, хозяевам они уже не нужны? – спокойно поинтересовался Миронов. Командиру не пристало проявлять бурные эмоции. Тем более что в своем подчиненном он нисколько не сомневался. – Итак, четверьмя охранниками меньше...

В окружавшей их темноте кивок Бориса был почти не виден.

– И вот еще...

Обнаружились три мачете.

– Я так рассудил, что стрельба, хотя бы поначалу, нам не с руки будет.

– Это ты правильно рассудил, – обрадовался Монастырев. В его огромном кулаке мачете выглядело почти как перочинный ножик.

– Давайте отойдем подальше, чтобы не светиться, – решил Евгений. – Боря, веди. Ты тут наверняка уже все разнюхал и подготовил.

– Не бездельничал, – опять поскромничал Оруджев. – За мной!

Удивительно, но идти пришлось совсем недалеко. Короткая цепочка беглецов, пригибаясь, пробежала всего метров пятьдесят и нырнула в джунгли. Почти сразу же Борис, шедший первым, опустился на траву.

– Прибыли!

Остальные последовали его примеру. Миронов обернулся в сторону лагеря, раздвинул ветки. Отсюда действительно все хорошо было видно.

– Тех, кого ты убрал, не спохватятся?

– Не должны, они в карауле стояли. А сменять их, по идее, должны часа через три.

Евгений усмехнулся про себя. Не только люди Москосо умели подкрадываться к противнику незаметно!

– Рассказывай, – велел он.

– Да чего там! Лопухнулся я поначалу, – сознался Оруджев. – Когда эти бандюги к вам подкрались, я как раз в другом направлении смотрел. С моей стороны они не шли, а то и я мог вполне попасться, как Леня!

В темноте не видно было, чтобы Шишов покраснел. Но Миронов знал, что его подчиненному сейчас очень стыдно.

– А потом уже стрелять не мог, – продолжал Борис. – Вы с ними на одной линии стояли. Решил, что если сразу не убили, то время подготовиться есть. Ну и проследил до этого лагеря. Потом прикинул, что если до ночи убивать поведут, то успею вмешаться, а сам пока окрестности осмотрел, заметил, что нам в дальнейшем может пригодиться.

– Машина есть?

– Даже две! Грузовичок небольшой и шикарнейший «лендровер»! И бочки с бензином.

– Может, с керосином? – встрял Штефырца.

– Нет, – отмахнулся Оруджев. – Керосина тоже много, но они его ведь для другого используют? А бензин точно для машин.

– Сколько охранников?

– Четырнадцать человек вместе с их главным, который почти все время в доме сидит. И плюс четверо, что в дозоре были...

– Ну и хорошо, – подвел черту Миронов. – Давайте начинать, а то, правда, дозоров хватятся. Все помнят, как действовать, кто куда направляется? Тогда – вперед!

И пять теней растворились в окружающем лагерь мраке.

Рабочие терялись в догадках. Их не будили криками и пинками, не выгоняли из барака, хотя было уже утро. Обычно они в это время, съев по миске похлебки с ломтем кукурузного хлеба, шли на плантации, чтобы собирать листья. Сегодня порядок что-то нарушило. Или кто-то нарушил. Люди прислушивались к тому, что происходит снаружи, несколько смельчаков заглядывали в щели между досок. Но на территории лагеря раздавались только обычные звуки утренних джунглей: кричали попугаи, щебетали другие птицы, изредка вопили обезьяны. А вот человеческие голоса отсутствовали. И те, кто смотрел в щели, пожимали плечами: никого! Некому было снять запор с двери барака.

Но вот раздались шаги, закрипела дверь и на пороге показалась высокая фигура мужчины с автоматом в руках. На испанском, с каким-то странным акцентом человек скомандовал:

– Всем – на выход!

Потом повернулся и исчез из дверного проема.

Поначалу рабочие заподозрили худшее: лабораторию раскрыли и, чтобы не оставалось свидетелей, хозяева собрались их убить. Потом кто-то выглянул в дверь, робко переступил порог. За ним потянулись остальные. Вышли наружу и остолбенели. Лаборатория перестала существовать. На месте хижин, в которых жили охранники и сотрудники лаборатории, оста-

лись груды мусора. Уцелел лишь домик босса. Ночью, сквозь сон, рабочие слышали какой-то шум на территории лагеря, даже, кажется, несколько выстрелов. Но они так уставали от работы и были так истощены плохой кормежкой, что никто и не подумал глянуть в щель, узнать, что происходит. Значит, действительно подпольная фабрика ликвидируется и сейчас их убьют. В толпе началось перешептывание. Люди раздумывали: сейчас попытаться бежать или подождать немного – вдруг не расстреляют?

Из домика босса вышел все тот же вооруженный высокий человек. Автомат висел у него за плечом. На голове бейсболка одного из охранников, а нижняя часть лица закрыта платком. Остановившись в нескольких метрах перед рабочими, он оглядел их веселым взглядом, а потом громко, чтобы услышали все, начал говорить:

– Теперь вы – свободные люди! Вас никто больше не будет посылать собирать листья. Хозяев нет. Можете расходиться по домам! Кто-нибудь умеет управлять грузовиком? Поднимите руки!

После нескольких секунд колебаний над толпой поднялись две руки.

– Выходите сюда!

Водители робко протиснулись вперед.

– Машину видите? – человек указал на стоявший в отдалении грузовичок. – Справитесь? Тогда те, кто совсем ослаб, грузитесь в него и пусть водитель везет вас до ближайшего города. Остальные, к сожалению, должны будут добираться пешком. Можно, конечно, сообщить властям, но, опасаясь, вас могут арестовать как пособников производителей кокаина. Поэтому лучше языков не распускать. Ну, вперед! Давайте, давайте!

И, видя нерешительно переминающихся с ноги на ногу людей, сделал движение, будто собирается достать из-за спины оружие. Рабочие кинулись к грузовику. Произошла небольшая давка. В кузов полезли те, кто посильнее. Человек заметил это и рявкнул:

– Я кому сказал – слабых в грузовик! Сейчас порядок наведу!

Он подождал, пока его распоряжение будет выполнено, автомобиль тронется с места и скроется на тропе в джунглях, а оставшиеся, потопчутся и, наконец, двинутся вслед уехавшим. Потом облегченно вздохнул и вернулся в дом.

– Командир, все в порядке! Отправил! – доложил Монастырев, входя в комнату, где за столом сидели Миронов и привязанный к стулу дон Москосо. На столе присутствовала бутылка виски и один стакан. Бутылка была не та, что вчера, другая. У хозяина подпольной лаборатории оказался неплохой запас спиртного и сигар. А чем еще развлекаться благородному сеньору, волею судьбы оказавшемуся в диких джунглях, да еще в компании тупых бандитов и вонючих рабочих?

Говорил Портос по-русски. Теперь не было нужды прикидываться американцами. Охранникам все равно, их уже ничего не интересует. А дону Хосе оставалось жить каких-нибудь полчаса. Они поменялись местами. В самом деле, не отпускать же этого упыря на все четыре стороны? Мало того, что он гад и эксплуататор, каких мало, еще и местную кокаиновую мафию на их след наведет! У группы и так впереди очень нелегкий путь до ближайшего цивилизованного бразильского города. Не хватало только разозленных бандитов, идущих по следу и жаждущих отомстить за уничтоженные лабораторию и накопленные запасы кокаиновой пасты! Пока еще пакеты, аккуратно завернутые в пластик, лежат в соседней комнате, но перед уходом все здесь будет залито керосином и теми остатками бензина, что не удастся взять с собой в дорогу. И гори оно все синим пламенем!

– Хорошо, – кивнул Евгений. – Иди, помоги ребятам со сборами. А я с человеком поговорю.

– С человеком! – сказал, будто сплюнул Толик, но, не перечая, развернулся и вышел.

– Продолжим, сеньор? – повернул голову к пленному Миронов. – Давайте еще немного пообщаемся! Потом, к сожалению, я вынужден буду вас покинуть. Дела... Мы и так слишком долго задержались у вас. А в киноиндустрии, знаете ли, каждый час на счету. Время – деньги.

– Бросьте валять дурака, сеньор, как вас там... Уилсон! Да и не Уилсон вы никакой и не американец! Вы же русский! Что я, русского от американца не отличу?

– Вот как? – неприятно удивился Евгений. – И откуда такие познания?

– Был в Москве в пятьдесят седьмом году, – буркнул боливец. – Совсем еще пацаном.

– А-а, фестиваль молодежи и студентов! – догадался Миронов. – Та-ак, сколько же вам сейчас лет?

Он поднял глаза к потолку, подсчитывая.

– Да, вы действительно тогда были мальчишкой!

– Не обольщайтесь, я просто хорошо выгляжу. Думаете, я все время здесь, в джунглях, провожу? Ничего подобного! Это только одна из моих лабораторий.

Евгений глянул на карту Боливии, которая висела на стене рядом с Распятием.

– Вот что это за отметки! А я все голову ломаю: что бы они значили? Да, судя по их количеству, вы действительно серьезный и богатый человек. Богатство помогает оттянуть старость?

– Еще как помогает! Лучшие врачи, косметологи, всяческие процедуры. Я надеюсь прожить еще очень долго.

– Это вряд ли, – негромко, словно про себя, заметил Миронов.

Дон Москосо напрягся.

– Послушайте, русский, я не знаю вашей фамилии, но это не важно. Деньги можно брать и безмянно. Я богат, и я могу заплатить за свою свободу. Я могу много заплатить.

Евгений задумчиво посмотрел на него, поднялся, достал из шкафчика второй стакан, налил в него немного виски и поднес к губам пленного.

– Выпейте.

Дон Хосе жадно припал к стакану. Миронов сделал глоток из своего.

– Как это вы мне давеча сказали? «Получение денег связано с такими трудностями, что не стоит и затеваться. Лучше мы будем заниматься привычной работой». Так, кажется?

Москосо даже поперхнулся и закашлялся. Евгений опять встал и заботливо похлопал его по спине.

– Зачем вы нас сравниваете? Вы – совершенно чужая, темная личность! А я – уважаемый и богатый человек! Что значит ваше слово и что – мое?

– Уважаемый – несмотря на то, чем вы занимаетесь? – улыбнувшись, спросил Миронов.

Но боливец не смутился.

– Чем я таким особенным занимаюсь? Бизнес есть бизнес! Разве у вас не так?

– Совершенно не так! – честно сказал Евгений. – Вы даже не представляете, насколько не так!

– Так что, вам и деньги не нужны? – удивился дон Хосе.

– Ну почему же? – в свою очередь удивился Миронов. – Очень даже нужны! Но – честно заработанные! Ладно, не буду вам читать мораль, вы уже взрослый человек, многое повидавший в своей жизни и поэтому дам только один совет: отнеситесь к тому, что с вами произойдет, философски.

– Как это – философски? – не понял сеньор Москосо.

– Проникнитесь мыслью: «Все там будем» – и смиритесь.

– Так вы меня действительно убьете? – ужаснулся сеньор Москосо.

– Да, – кивнул Евгений. – Как это ни прискорбно.

– Но вы не можете так вот прийти и убить практически незнакомого вам человека! Это безумие!

– А разве вы не собирались сделать с нами то же самое?

– Я защищал свой бизнес!

– А мы защищаем свои жизни. И кое-что еще, гораздо более важное.

Миронов встал. Ему надоел этот разговор. Избавляться от колумбийца придется в любом случае. Совсем не нужно, чтобы кто-то знал, что здесь произошло в действительности и кто уничтожил лесную лабораторию. Он снял со стены карту и аккуратно сложил ее. Довольно подробная, может пригодиться в дороге. А потом с оказией переправить боливийским властям. Пусть принимают меры.

Дон Москосо, поняв, что пришел его смертный час, поднял взгляд к Распятию и беззвучно шевелил губами – молился. Евгений зашел ему за спину, достал пистолет и, отступив на шаг, выстрелил в затылок. Пистолет был красивый, никелированный, на рукоятке щечки из слоновой кости и рисунок морды ягуара из тонкой золотой проволоки. Он лежал в ящике стола, откуда его и достал Миронов, пока хозяин мирно храпел в соседней комнате.

Голова дона Хосе дернулась, брызнула кровь. Все было кончено.

Евгений принес с улицы канистры с бензином, щедро полил полы и стены в обеих комнатах, штабель пакетов с кокаиновой пастой. Все ценное, что они нашли в домике, уже было перенесено в автомобиль. В том числе и небольшая по размеру, но довольно мощная рация армейского образца. Если за ними идет охота, с ее помощью можно будет отслеживать передвижение групп охотников.

Выйдя из домика, он позвал:

– Борис! Вы готовы?

Оруджев выглянул из «ленд-ровера».

– Готовы! Можем трогаться.

Тогда Миронов чиркнул зажигалкой, поджег смятый листок бумаги и, бросив его внутрь, закрыл за собой дверь. Через минуту пламя показалось в окнах. Удовлетворенно кивнув, он пошел к машине.

«Лендровер» оказался действительно почти новым, с не очень большим пробегом. Маршрут они уже прикинули по карте. По идее, в этом направлении не должны были попадаться полицейские и военные заставы. Глушь, джунгли, практически неосвоенные. Но какие-то дороги есть? Надо было торопиться и уходить, по возможности, без шума и свидетелей. Может быть, после того как «Цессна» сторела, преследователи успокоятся и отстанут. Не факт. Хорошо хоть он Портоса успел одернуть, когда тот от обиды за взорванный бомбами самолетик хотел выскочить с автоматом и влупить полный рожок в заходящий для фотографирования результатов бомбежки штурмовик. Между прочим, вполне мог попасть, боливийский самолет проходил достаточно низко, и скорость была не так уж велика. Может и не сбил бы, но фюзеляж мог попортить качественно. Или пилота пулей достать.

Ибо сказано в наставлении:

«Низко летящие самолеты (вертолеты) находятся, как правило, в зоне действительного огня очень короткое время. Для поражения таких целей надо знать упреждение. Выгоднее открывать огонь по подходящей к стреляющим цели. По самолету, пикирующему в сторону стреляющего, стрельба ведется непрерывным огнем с прицелом 4 или “П”, прицеливаясь в головную часть цели или наводя оружие по стволу. Огонь открывается с дальности 700–900 м».

И далее:

«Стрельба ведется непрерывным огнем до выхода самолета из зоны огня. Если солдат ясно видит вблизи цели направление трасс пуль своего оружия, то он может, не прекращая огня, несколько переместить оружие в сторону цели, добиваясь совмещения трасс с целью. При корректировании огня по трассам пуль следует иметь в виду, что трассы, направленные в самолет, кажутся стреляющему идущими выше самолета и несколько впереди него».

Случались в мировой практике прецеденты...

Глава 5

Если бы у них был проводник! Но человек со стороны – дело опасное. Обязательно разболтает, кого и куда вел. Зачем преследователям это знать? Крестьяне – народ простой и законопослушный. Все выложат представителям власти. Че Гевару ведь крестьяне сдали, хоть и боролся он за их светлое будущее. Так что местным доверять нельзя. По этой причине и Толик Монастырев закрыл лицо, отпуская на волю рабов дона Хосе. А остальные члены группы вообще им на глаза не показывались.

Придется рассчитывать только на собственные силы. Ничего, достаточный опыт имеется и подготовка у них соответствующая.

«Лендровер» был забит «под завязку». Задняя часть вместила канистры с бензином. Впереди заправок не предвиделось. Конечно, может быть, очень далеко им проехать не удастся и машину они бросят. Но вдруг? В конце концов, двадцатый век на дворе! Автомобили можно увидеть в любой части света. А где автомобили, там и горючее.

И продуктами они разжились в доме сеньора Москосо и хижинах охранников. Голодать не придется. Оказывается, очень вовремя подвернулась эта лесная лаборатория! Хотя... На «Цессне» можно было улететь без хлопот и смертоубийства...

Они не жалели погибших охранников. Те перерезали бы им глотки или расстреляли из автоматов безо всякого сожаления и угрызений совести. Это война, а на ней законы жестокие: или ты, или тебя.

А вот с освобожденными рабами было сложнее. Люди, трудившиеся на плантациях коки, во-первых, имели хотя бы такую работу, а во-вторых, были уже наркоманами и без порции жвачки из листьев, которые сами же собирали, не могли прожить и дня. Здесь это вообще было широко распространенным стимулятором. Что теперь с ними будет?

Этот вопрос задал Миронову Штефырца, когда их автомобиль углубился по еле заметной дорожке в джунгли. За рулем сидел Боря Оруджев, отвоевавший место водителя по праву первооткрывателя «лендровера». Он вел машину на небольшой скорости, справедливо ожидая от лесной дороги каких-нибудь каверз.

– Что будет? – задумчиво переспросил Евгений. – Да ничего! Наймутся, скорее всего, на другую фабричку и будут доживать там свои дни.

– Тогда на какой хрен мы их вообще освобождали? – возмутился Мишка. – И вообще лабораторию рушили?

Этим вопросом Миронов задавался уже не единожды. Как и другими. Например, зачем они вообще здесь находятся? С какими целями? Кому это нужно?

И не находил ответа. Все, что они делали в этой стране, казалось ему бессмысленным и бесполезным. Зачем Советскому Союзу лезть на далекий латиноамериканский континент, поставлять местным революционерам-партизанам не какие-нибудь консервы и медикаменты, а оружие и боеприпасы? Тратить гигантские валютные фонды, в то время как в своей стране далеко не все живут сыто и безбедно! Только лишь для того, чтобы сюда не вклинились американцы? Так они давно уже здесь, им ближе добираться, действуют они не тайно, а вполне открыто и в какой-то степени легально. Им не приходится скитаться по джунглям, опасаясь правительственных войск и каждую секунду готовясь вступить в неравный бой.

Да ведь если и случится такое, стоит только подать условный сигнал и сразу же налетит туча «Сикорских» с вооруженной до зубов поддержкой и вытащит попавших в переделку товарищей.

А группе Миронова не поможет никто. Зажравшиеся резиденты не удосужились хоть пальцем пошевелить для того, чтобы помочь прячущимся товарищам. Взрослые, здоровые, знали, на что идут. Вот и пусть сами выбирают. Нам это хлопотно и опасно. Вдруг раскроют!

И прощай, заграница! Тут хоть и не Европа или США какие-нибудь, но жить можно, если умеючи, вполне комфортно. Москва регулярно снабжает средствами, а требует за это лишь какой-то деятельности, которую вполне можно имитировать, не прилагая больших усилий. И жируют себе. А на родине им идут оклады, награды и премии за липовые вербовки и операции. Если же в Москве заподозрят агента в нечистой игре, всегда можно переметнуться к тем же американцам: дескать, надоело работать на тоталитарный режим, сил больше нет никаких! Примите меня, господа, я лучше вам буду служить верой и правдой! Вот честное пионерское! Сколько уже было таких беглецов...

А Миронов и его группа в случае совсем уже безвыходной ситуации должны будут «самоуничтожиться» любым доступным способом. Лишь бы не попасть в руки противника.

В общем, мрачные мысли были у Евгения. Но своему подчиненному все это сказать он не мог, не имел права. И поэтому ответил просто, стараясь чтобы слова его прозвучали весело и убедительно:

– Не забивай себе голову, Мишка! Уничтоженная лаборатория – еще один удар по наркобизнесу. Откуда ты знаешь, может быть, кокаин, сделанный из сожженной нами пасты, должен был попасть к нам, в Союз? Значит, мы как минимум спасли жизни нескольким десяткам, а то и сотням наших людей!

Помолчал и добавил:

– Даже если не к нам, – все равно людям жизнь спасли.

Штефырца хмыкнул:

– Не получают этот – другой найдут! Видел я хмырей, которые это дерьмо потребляют. Их уже никак не спасешь.

– Отставить упаднические настроения! – скомандовал Миронов. – Сделали доброе дело и забыли о нем! Сейчас думать надо, как до Бразилии добраться. Да там еще сколько по этой речке плюхать.

– Чего думать? – отозвался из-за руля Оруджев. – Машина – зверь! По любой тропке пройдет. Только так доедем!

– Сплюнь через плечо! – велел ему суеверный Леня Шишов. – А то сглазишь. Вот когда Амазонку увидим, тогда и дух переведем с облегчением.

Боря послушно изобразил три плевка. Только изобразил, потому что слева от него сидел Миронов. «Лендровер» был оригинальной английской версии с правым рулем.

Пока, судя по компасу, от основного направления дорога не отклонялась, но так, конечно, будет не всегда. Скоро начнутся петли, многочисленные речки, все более густые тропические заросли. А в зарослях этих – бесчисленное количество всякой живности. От комаров до ягуаров. Кстати, о комарах...

Евгений раздал подчиненным таблетки хлорохина – большую банку этого лекарства от малярии он нашел в доме дона Москосо. Хозяин плантации и лаборатории сам употреблял западногерманское средство и помощникам выделял. А рабочие обойдутся. Теперь ему эти горькие кружочки не понадобятся. Но вот ребятам Миронова вполне пригодятся как профилактика. Здесь малярию только так можно подцепить. И прививки от нее не существует.

Что-то привлекло его внимание, какой-то посторонний звук...

– Ну-ка, загони машину под деревья и заглуши мотор! – скомандовал он Борису.

Тот послушно выполнил приказ.

– Всем слушать!

Когда уши привыкли к шумам окружающего их леса, стало различимо знакомое тонкое жужжание. Ну так и есть – вертолет! Да не один. А сколько?

Шишов, обладавший самым лучшим в группе слухом, поднял три пальца. Целых три вертолета? Это не разведка, это, скорее всего, десант. А что тут гадать?!

– Кажется, к нам команда «А» седьмой группы пожаловала, – сказал, наконец, Миرون. – Они в этом регионе операции проводят.

– Познакомимся, – жестко усмехнулся Монастырев. – В прошлый раз их не было.

– Возможно, что после прошлого раза они как раз и активизировались, – вздохнул Евгений. – Что-то такое партизанский команданте говорил...

Так, три вертолета... Значит, полную группу выбрасывать собрались: двенадцать человек с капитаном во главе. Дрессированные в Форт Брэгге и, вероятнее всего, не новички в здешних джунглях. Плохо. Так хотелось уйти спокойно, не вступая ни с кем в соприкосновение. Тихо, мирно просочиться в Бразилию, сплавиться по Амазонке и с паспортами туристов вернуться домой. Не вышло... Сначала засветка в столице, потом угон самолета, воздушный бой, лаборатория эта дурацкая с тупыми охранниками. А теперь вот «зеленые береты»... О них сплетничают журналисты, как о ни на что не способных и трусливых вояках. Тем не менее неприятности они могут доставить. И крупные... Ох, как не хочется воевать! Но ведь никуда не денешься, придется. Такая работа...

– Все, гоним вперед, насколько это будет возможно! – приказал Миرون. – Надо оторваться от них!

Глава 6

Сержант Джим Беннет носком ботинка тронул обгорелые обломки досок.

– Нет, сэр, – сообщил он, – это не партизаны.

Мнению командира второго отделения можно было доверять. Он уже сталкивался с местными герильерос как гоняясь за ними, так и убегая от них. Три операции в джунглях Боливии, не считая рейдов в Колумбии и Перу. Боливийские вылазки нельзя было назвать полностью успешными. В последний раз и непонятно было, кто кому надрал задницу. Партизаны быстро учились, и в этом им, несомненно, помогали иностранные специалисты. Конечно же кубинцы. Имелись сведения, что и палестинцы здесь засветились. Хотя, что делать палестинцам в отрогах Кордильер и влажных тропических джунглях? Они ведь привыкли воевать в пустыне и городах.

Поговаривали также о китайских инструкторах. В это верилось больше. Огромная страна с огромным населением распускала свои щупальца по всему миру, готовясь к будущей экспансии. Если не торговой, то военной.

Капитан Стивен Митчелл в ответ на слова сержанта молча кивнул. Он и сам понимал, что партизанам незачем было громить и сжигать подпольную лабораторию по производству кокаиновой пасты. Хотя, может быть, здесь и сам кокаин делали. Боливийские наркодельцы теперь все чаще предпочитали вырабатывать конечный продукт сами, а не переправлять полуфабрикат в соседнюю Колумбию. Это отчасти объяснялось тем, что в Колумбии наркокартелям немного прищемили хвосты. Кроме того, если вывозить чистый кокаин, то прибыль получается больше.

Но доходы хитроумных боливийцев капитана сейчас волновали меньше всего. Он пытался понять, что же здесь произошло на самом деле? Задача его команде была поставлена четкая: высадиться на месте вчерашнего падения «Цесны» и, если кто-то из ее экипажа и пассажиров остался в живых, найти и уничтожить. Но, по возможности, лучше взять живым. Кто этот человек (или люди), ему не сообщили. Опять какая-то темная история. И его солдатам придется разбираться в ней, возможно подставляя себя под пули.

Первым делом после высадки они осмотрели остатки сгоревшего самолета. Ничего необычного, разве что не было ни в нем, ни вокруг тел погибших. Две воронки от сброшенных штурмовиком бомб, большое черное пятно обгоревшей травы. Пожар не распространился на джунгли – высокая влажность. Следов крови нет, стреляных гильз тоже. Отправившись по тропе, уходившей в лес, они вышли на пепелище лагеря. Никто их не встречал.

Партизаны обычно не нарушали негласное перемирие с наркодельцами. Каждый занимался своим делом и другому не мешал. Иногда они даже помогали друг другу. Герильерос заранее предупреждали производителей кокаина о приближающихся полицейских, а те, в свою очередь, снабжали лесных бойцов деньгами. Не очень большими суммами, конечно.

Если эту лабораторию разгромили партизаны, то причина должна была быть очень веской. Митчеллу на ум такая причина не приходила. Скорее всего, сержант прав. Но тогда кто это все сделал? И где трупы охранников и рабочих? Пока были найдены останки только одного человека в сгоревшем домике. Рядовой Родригес, медик первого отделения, работавший на гражданке патологоанатомом, кинув взгляд на скрюченное огнем тело, сразу заявил, что этого бедолагу сначала убили выстрелом в голову, а потом уже подожгли дом. А где остальные?

– Сэр!

Перед ним стоял командир первого отделения Купер.

– Слушаю, сержант.

– Мои ребята, кажется, обнаружили остальных!

– Где?

- Тут рядом довольно большое болото. Туда волочили что-то тяжелое.
- Или кого-то, – задумчиво сказал капитан.

Теперь картина немного прояснялась. Трупы убитых просто сбросили в трясину. Она надежно скрывает результаты работы неведомых налетчиков. Кому понадобится доставать мертвецов из жидкой грязи? Тут не Штаты, с покойниками не очень церемонятся. Двумя-тремя больше или меньше – какая разница?

Но ему не верилось, что в болоте утопили всех, кто работал в этом лагере. Судя по размерам стоянки, людей тут хватало, работали с размахом. Но если есть выжившие, куда они могли деться? Разбежались по окрестностям?

Через минуту его догадка подтвердилась. Солдаты притащили двух полудохлых колумбийцев, очевидно работавших на местных плантациях коки. Сержант Беннет приступил к допросу. Это он умел делать виртуозно.

Спустя полчаса сержант устало доложил, что ничего конкретного так и не удалось узнать. Мозг индейцев был настолько отуплен постоянным употреблением жвачки из листьев коки, что связанного рассказа у них не получалось. Пришел какой-то большой человек с ружьем, всех выпустил и велел убираться на грузовике. Кто смог – уехал, остальные ушли пешком. А этим двоим сил не хватило, чтобы утащить свои тела куда-нибудь подальше. Прилегли здесь, под кустиком, да и уснули. Какой человек, как он выглядел, что за ружье у него было, – непонятно. «Fusil grande» – большое ружье! Вот и все подробности.

Но не мог же один человек перебить всю охрану, побросать трупы в болото и спокойно уйти! Все было непонятно. Предположим, этот человек спасся из горящей «Цессны». Потом пришел сюда и устроил бойню. Зачем? Кто он такой? Чертовы штабники! Нет, чтобы объяснить все доходчиво: на кого они должны охотиться, зачем это делать, какая угроза может исходить от дичи? Нет, ничего конкретного! «Мы полагаем, что тут затронуты вопросы безопасности не только Боливии, но и Соединенных Штатов! Поэтому задействуем в операции вашу команду. Очень важно взять живым хотя бы одного человека!»

Ага, попробуй его взять, если он в одиночку такое вытворяет! Зорро из джунглей!

Пазл не складывался...

В команде Митчелла имелись опытные следопыты. Они почти рыли траву носами, но тоже не говорили ничего конкретного. На центральной поляне бывшего лагеря было много следов. И окрестности порядком истоптали люди, которые совсем недавно жили и работали здесь.

Капитан плюнул и решил связаться со штабом, невзирая на приказ поддерживать радиомолчание. В конце концов, у них имелась радиостанция с системой прыгающей частоты, защищающей переговоры от прослушивания противником.

Митчелл вышел на связь, доложил о результатах осмотра места высадки и запросил дальнейшие инструкции. Ему велели ждать. Он выставил охранение и принялся ждать. Бойцы, не занятые в карауле, уселись на траве, не выпуская оружия из рук. Пленные боливийцы благополучно похрапывали под ближайшим кустом. Вот же счастливики! Ничто их не волнует! Хотя оно нужно – такое счастье? Почти полное превращение в животных.

Только спустя полчаса рация ожила и передала новый приказ: расширить зону поиска неизвестного (или неизвестных), учинившего бойню в тайной лаборатории, и теперь уже обязательно взять его (их) живым!

Приказ есть приказ, обсуждать его не положено, и хотя капитан Митчелл имел собственное мнение по поводу случившегося тут и виновника случившегося, высказывать его он не стал ни начальству, ни подчиненным, а просто довел до сведения спецназовцев суть поступившего распоряжения. Бойцы, вздернутые резким голосом командира, разбежались по окрестностям.

Вскоре выяснилось, что совсем недавно на восток ушел хорошо нагруженный автомобиль. В той стороне не предполагалось крупных населенных пунктов, да и мелких вроде бы не

было на ближайшие пятьдесят километров. Капитан, справедливо предположив, что на вездеходе, захваченном в лагере, скрылся тот самый таинственный пилот «Цессны», отдал команду на преследование. Можно, конечно, было вызвать вертолеты и попытаться перехватить машину с воздуха, но, во-первых, за такую инициативу его бы по головке не погладили, а во-вторых, подчиненным нужна была встряска и марш-бросок по джунглям вполне для этой цели подходил. Если уж совсем туго придется – включают радиомаяк и действительно вызовут воздушную поддержку.

Наверняка угнанная машина была каким-нибудь вездеходом. Другая тут не пройдет. Но и вездеход не везде сможет продраться через здешние джунгли. Слишком уж густо растут деревья и кустарники, оплетенные толстыми и тонкими веревками лиан. Да и почва тут довольно топкая. А значит, автомобиль будет двигаться, пока сможет, по дороге или тропе. Дальше угонщику придется передвигаться пешком или по воде. Скорость уменьшится, следовательно, догнать его будет вполне реально. Вот как раз следы шин уходят по довольно широкой тропке. По ней и вдоль нее следует отправляться в погоню. И как можно быстрее, потому что у того (или тех), кто побывал в лесной лаборатории первым, все же есть фора, хотя и незначительная.

И, повинувшись приказу, команда капитана Митчелла скрылась в джунглях, оставив позади себя дымящиеся развалины.

Глава 7

Виктор Гутиеррес со всего размаха швырнул стакан в своего секретаря. Не попал, но капли виски окропили бледное лицо Лопе Энсьерро. Стакан с грохотом разбился о стену, оставив на ней мокрое пятно.

– Как это уничтожена?! – заорал сеньор Виктор. – Кем уничтожена? Там что, бунт произошел?

Секретарь только молча пожал плечами.

– Ну-ка, приведи сюда этого гонца! – велел Гутиеррес. – Я сам его допрошу!

Секретарь бесшумно исчез и через пару секунд появился вновь, толкая перед собой смуглолицего индейца-кечуа. В отличие от соплеменников, предпочитающих национальные одежды или простецкие холщовые штаны и рубахи, этот был одет хотя и в дешевый, но европейского вида костюм. На ногах даже присутствовали туфли. Вид его, несомненно, указывал на относительную приближенность к сильным мира сего. Обычно человек этот держался с окружающими несколько высокомерно и был немногословен, полагая, что люди должны сами догадываться, что он хочет сказать. Но войдя в просторную комнату, где в кресле сидел могущественный и жестокий сеньор Гутиеррес, гость разительно переменялся. Держа шляпу перед грудью, он мелко кланялся, делал короткие шажки и постоянно заискивающе улыбался.

Виктор жестом руки остановил его на расстоянии.

– Ну, рассказывай, что там произошло с моим другом Хосе Москосо?!

– Его убили, сеньор, – робко сказал пришедший.

– Откуда ты это знаешь? – теперь голос Гутиерреса звучал ровно, словно он уже успокоился после недавней вспышки гнева.

– Из лагеря, в котором он как раз находился, в деревню пришли работавшие там люди и рассказали, что какой-то человек убил всех охранников и отпустил рабочих, приказав им идти по домам. Управляющий сеньора Москосо, который был в этой деревне, взял людей с оружием и поехал в лагерь. Все оказалось правдой. Лагеря больше нет, а в развалинах дома они нашли сгоревшего сеньора Москосо.

– Так кто был этот человек? – наклонился над столом Виктор. Пальцы его рук, сжимавшие край стола, побелели от напряжения. И это был плохой знак. Гость знал привычку хозяина – стрелять из позолоченного (а может быть, и полностью золотого) армейского кольца в живот не угодившему человеку. Очень просто – выброшенная вперед рука, вспышка, грохот и темнота, наполненная болью.

Каждую секунду ожидая выстрела, индеец торопливо заговорил:

– Никто не знает этого человека! Лицо его было закрыто, но говорил он по-испански, хотя, как утверждают рабочие, это был странный испанский.

– Что значит – странный?

– Как будто человек этот – не из Боливии!

– Еще нам иностранцев не хватало! – проворчал Гутиеррес, разжимая пальцы.

Ему и правда хотелось пристрелить этого червяка, но он сдержался.

– Ты знаешь местность, где был лагерь Москосо?

– Да, да! – закивал индеец. – Я родился там!

Сеньор Виктор некоторое время помолчал, раздумывая.

– Очень хорошо. Я дам своих людей, вы немедленно вернетесь туда и найдете этого человека. Но запомни: ты будешь просто проводником! А то знаю я вас, выскочек! Чуть отпустишь вожи, как сразу же появляется спесь. Лопе!

На зов явился секретарь.

– Немедленно ко мне Анхеля! А его людям – готовиться к вылету. И этого к ним отведи, пусть за ним присмотрят! Он будет у группы проводником.

Секретарь взял за локоть индейца и потащил того к дверям. Кечуа не сопротивлялся. Он безумно был рад, что избежал знакомства с золотым пистолетом хозяина.

Два часа спустя с небольшого аэродрома в предместье города Санта-Ана поднялся вертолет и взял курс на северо-восток. Вертолет был под завязку набит крепкими вооруженными парнями из личной гвардии сеньора Виктора Гутиерреса. Предводителем у них был здоровенный метис по прозвищу Анхель, то есть Ангел. Нрав у этого человека был, вопреки кличке, совсем не ангельский. Потому так и назвали, наверное. Он и его люди выполняли самые щекотливые поручения хозяина и ни разу еще не прокололись. А все из-за железной дисциплины в группе, которую Анхель поддерживал твердой рукой. Происхождение этого человека было неизвестным. Поговаривали, что раньше он служил в американской морской пехоте, но дезертировал, промышлял контрабандой наркотиков и, в конце концов, прибил к сеньору Гутиерресу. Каков процент правды в этих рассказах, знали только сам Анхель да Виктор Гутиеррес. Последний, впрочем, мог всей правды и не знать. А у Анхеля спрашивать – себе дороже...

Сеньор Виктор отдал приказ: найти человека, уничтожившего лагерь и спалившего сердечного дружка Хосе Москосо. Но не убивать его сразу, а доставить на виллу в Санта-Ана, где сеньор Виктор сам расправится со злодеем. Ведь, как было понятно, этот убийца еще и уничтожил значительные запасы кокаиновой пасты, накопившиеся за последнее время. Их просто не успели вывезти из лаборатории. А это – убыток, и виновный в нем должен быть наказан.

Вместе с бойцами в вертолете летел и несчастный индеец-кечуа, проклинавший и свою судьбу, и дону Гутиерреса, и его людей. Проклятия эти, впрочем, вслух не произносились, а звучали так глубоко в душе, что даже по глазам нельзя было определить степень ненависти проклинавшего ко всем вышеперечисленным фактам и личностям. Губы же его привычно были растянуты в подобострастную улыбку. К людям Анхеля надо было относиться с почтением, почти с таким же, как к сеньору Гутиерресу. А то ведь не посмотрят, что он должен поработать проводником, возьмут да и сбросят с вертолета. Просто так, для развлечения, посмотреть, как он будет кувыркаться над джунглями. С них станется! Индеец был наслышан о том, с какой жестокостью эти люди по приказу хозяина подавляют малейшие попытки протеста в лесных лабораториях.

Вообще-то индеец готовился к смерти. Он ведь наврал сеньору Виктору о том, что родился в этих краях. Очень уж испугался и готов был подтвердить все, что будет угодно грозному хозяину. Следовательно, проводник из него никакой. И как только это раскроется, его вздернут на ближайшем дереве. Пулю, конечно, пожалеют. А могут и на веревке сэкономить, просто и незатейливо перережут горло. *Adios, la Vida!* Прощай, жизнь!

Он готовился к смерти, но в глубине души еще теплилась надежда на то, что, улучив момент, удастся сбежать от этих головорезов. И пусть он никогда не бродил по джунглям, потому что родился в нищих кварталах Ла-Паса и всю жизнь провел на улицах этого высокогорного города. Пусть изорвется его щегольской костюм, которым он так гордится. Пусть он никогда больше не увидит свою мать и сестер, потому что не сможет вернуться в город. Но зато он останется жив! Правда, это будет скучная и убогая жизнь... Хотя такая, чем вообще никакой!

А может быть, все будет хорошо? Ведь не зря же он носит имя Атаучи, что на языке кечуа значит «Удачливый»!..

Подчиненные Анхеля, наоборот, были в приподнятом настроении. Они уже засиделись в своем домике на территории поместья сеньора Гутиерреса, им хотелось немного размяться. Конечно, лучше бы действовать где-нибудь в городе или, на худой конец, в деревне. Там можно чем-нибудь поживиться, пощупать зазевавшуюся девчонку, немного выпить, наконец. А то ведь в домике, где они живут и не выпьешь. Командир настрого запретил. Только во время

нечастых увольнений в город. Вот во время операций Анхель разрешает подчиненным прикладываться к бутылке. Но не до полной отключки, только для бодрости и поднятия боевого духа. Кока запрещена во всех случаях. И, тем более, запрещен кокаин. Не дай бог, командир поймает кого-нибудь за понюшкой! Об этом человеке сразу можно забыть, как и не было его. Два года назад такое случилось. Весельчак Джинго во время увольнения где-то раздобыл немного порошка и притащил с собой. Он даже не успел его попробовать! Анхель каким-то образом прознал о пакетике, пришел в домик, заставил Джинго вывернуть карманы, потом взял за шиворот и увез с территории поместья. Больше парня никто не видел. А командир, вернувшись, сказал только: «Так будет с каждым, кого я поймаю с дурью!» И все. Больше никто даже помыслить не мог о «запретном плоде».

Сам Анхель сейчас сидел в кресле второго пилота винтокрылой машины, идущей над джунглями, что косвенно подтверждало слухи о военном прошлом этого человека. Вел машину, конечно, первый пилот; Анхель лишь лениво поглядывал через пластик блистера на проплывающий внизу зеленый ковер. Он думал о предстоящей операции. Само по себе задание было несложным: найти человека, взять его живым и привезти к сеньору Гутиерресу. Но от предводителя своих головорезов сеньор Виктор не стал скрывать подробностей. Он рассказал о том, что, по непроверенным данным, в лагере Москосо действовал один человек, предположительно иностранец, который уложил и всех охранников лагеря, и его хозяина, а сам лагерь сжег. Рабочих же распустил по домам. Сеньор Гутиеррес не верил в то, что все это мог сделать один-единственный человек. Анхель тоже не поверил. Вместе со своим боссом он однажды побывал в той лесной лаборатории и видел ее охранников. Конечно, они показались ему дураками. Но не настолько, чтобы дать себя передуть, как котят! Что-то тут было нечисто, и с этим ему предстояло разобраться... Ничего, все будет в порядке. Он достаточно адрессировал своих парней, чтобы они не подвели в любой ситуации. И сегодня не подведут. А первым делом нужно как следует допросить тех рабочих, которых освободил таинственный налетчик. Поэтому сейчас нужно лететь в деревню, а не в лагерь. Туда они попасть всегда успеют...

Вот поэтому вертолеты, доставившие на пепелище лесной лаборатории команду капитана Митчелла, разминулись с машиной, везшей группу Анхеля. Пилоты даже не заметили друг друга из-за легкой облачности. А на отметку на экране радара военные летчики просто не обратили внимания. Что-то летит над джунглями – ну и пусть себе летит. Их задача – посадить десант – выполнена, а патрулировать небо над Боливией они не обязаны.

Глава 8

– Командир, активность! – доложил Леня Шишов, прослушивавший эфир посредством трофейной рации.

– Конкретно?

– Ничего конкретного! Плавающая частота, да еще и зашифрованная. Похоже, военные работают.

– Да, местным, пожалуй, такая секретность ни к чему, – согласился Миронов. – И что это значит?

Он обвел взглядом подчиненных, расположившихся вокруг «лендровера». Дальше тропа вилась по болотистой местности, и проезд был невозможен. Машину придется бросить. Не так уж долго она им послужила. Конечно, если бы они отправились в другую сторону, можно было ехать и ехать. Судя по карте сеньора Москосо, километрах в пятидесяти от бывшего лагеря находилась приличная дорога. Не Панамериканская автострада, конечно, но вполне проезжая грунтовка. Но в том-то и дело, что им надо было двигаться совсем в противоположном направлении. Ладно, хоть немного сил сэкономили – и на том спасибо. Теперь – ножками, ножками!

– А значит это, орелики, что мое предположение о группе «А» не лишено резона. Незачем другим военным шляться в этом районе. И, поскольку мы являемся единственной заслуживающей внимание дичью здесь, следует понять, что прилетели охотнички и сейчас ускоренными темпами идут по нашему следу. Поэтому не задерживаемся, спихиваем нашу машинку в болото – чтобы врагу не досталась. Не забываем стереть везде, где возможно, отпечатки пальцев и вообще уничтожаем следы нашего присутствия здесь. Незачем подсказки оставлять. На все – пять минут. Время пошло!

В пять минут уложиться не удалось – хорошая машина «лендровер» не хотела тонуть. Но совместными усилиями ее все же утопили. И следы замели довольно качественно. Один человек здесь прошел, ну, максимум, два. Не больше. Опыт подобной маскировки имелся. Правда, до сих пор им не приходилось сталкиваться с группой «А». Так ведь если эти американцы большие специалисты, то ведь и мироновских парней не на помойке нашли! И не первый год они шастают по Южной Америке. Правда, в Бразилии еще не бывали. Но это – не вопрос, дайте только до Амазонки добраться!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.